

Ю.А.Виноградов

ФЕНОМЕН БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Yu. A. Vinogradov. The Phenomenon of the Bosphorus State in the National Literature

The article analyses main stages in the 200-years long history of Bosphorus State studies. The meaning of the concept of "phenomenon of the Bosphorus Kingdom" is formulated and interpreted. The concept is formed of three basic aspects:

1. There were a number (at least 7) apoikias on a rather limited territory on the Bosphorus shores, which is not typical of the rest Pontus' coast.

2. As time passed, these colonies were united in one state, the biggest one in the Northern Black Sea region, and the only one with a monarchic rule.

3. These peculiarities allow considering that Bosphorus played the most important role in development of contacts between the Greeks and the Barbarians in Crimea and North-Eastern Black Sea region.

A very significant for understanding of the Bosphorus state phenomenon is the moment of adaptation of the Greek settlers to the new environment, both in the landscape and climatic sense and the ethno-cultural one, with all its typical values and standards – spiritual and material. As a result, the Greek culture on the Cimmerian Bosphorus underwent that transformation, which then became one of the most important components, namely the "Bosphorus phenomenon" itself.

Besides, the article outlines main stages in the study of the Bosphorus state in the Russian and Soviet science of History. It describes as minutely as such publication allows each of these stages with its typical scientific concepts and opinions, which from time to time would suffer rather radical changes.

1. Несколько слов о главном

Своеобразие Боспора Киммерийского в сравнении с другими центрами греческой колонизации Северного Причерноморья, прежде всего Ольвией и Херсонесом Таврическим, выступает достаточно отчетливо, в той или иной мере осознаваясь всеми исследователями. Можно даже говорить о феномене Боспора Киммерийского, во всяком случае, научные конференции с названием «Боспорское царство как историко-культурный феномен» в Санкт-Петербурге обещают стать традиционными. Иные интерпретации имеются, но встречаются весьма редко. К примеру, Б.В.Варнеке, в одной из своих работ лишь вскользь упоминая о Боспоре, отмечал, что «из всех греческих колоний на северном побережье Черного моря преимущественное значение и в государственном, и в торговом отношении принадлежало Ольвии» (Варнеке 1919: 18). Возможно, с ним согласятся некоторые современные исследователи Ольвийского государства, но все-таки вопрос о его феномене в научной литературе, как будто, еще не ставился. Безусловно, корректней представляется точка зрения И.И.Толстого и Н.П.Кондакова, которые отмечали, что Ольвия и Пантикапей достигли высокой степени процветания и могущества, о чем свидетельствуют

многочисленные памятники, но при этом на стороне Пантикапея оказалось даже некоторое преимущество, — тогда как Ольвия в лучшие времена своего существования оставалась не более как большим цветущим торговым городом, Пантикапей из старшего члена союза греческих городов на берегах Керченского пролива стал столицей царства (Толстой, Кондаков 1889: 2).

Что касается Боспора Киммерийского, то его феномену посвящена специальная статья Н.Ф.Федосеева (1999: 80 сл.), хотя заявленная тема в ней не то что не раскрыта, но даже по-настоящему и не затронута. По этой причине следует особо подчеркнуть, что феномен Боспора, то есть явное своеобразие, отличие от других центров греческой колонизации, при этом отнюдь не только северопонтийской, можно свести к трем важнейшим аспектам.

1. Здесь было выведено несколько апоийки. На сравнительно небольшой территории Восточного Крыма и Таманского полуострова до образования единого государства существовали, как минимум, 7 самостоятельных греческих колоний (см. Виноградов Ю.А 1993; 1995; 1999: 104; Молев 1997: 9; Цецхладзе. 1999: 195; Tsetskhladze 1997). Прочие населенные пунк-

ты, известные по письменным источникам, составляют около трех десятков (см. Латышев 1909: 61 сл.; Гайдукевич 1949: 27 сл.; Gajdukevič 1971. S.32 ff.), в других центрах греческой колонизации региона такого явления нет.

2. Эти колонии со временем были объединены в единое государство, самое крупное в Северном Причерноморье, при этом в государство с наследственной монархической формой правления. Очень быстро оно стало включать в себя не только ранее независимые полисы, но и территории местных варварских племен, по этой причине Боспорское царство часто именуется греко-варварским.

3. Не удивительно, что Боспору Киммерийскому в плане развития греко-варварских связей в регионе отводится весьма важная роль.

Все названные аспекты представляются вполне очевидными и в плане культурно-исторического развития Боспора взаимосвя-

занными, но в отношении интересующей нас проблемы особое место принадлежит двум последним. Данный очерк и посвящен, по большей мере, именно им, а точнее, их осмыслению в научной литературе, развитию взглядов на феноменальность боспорской истории, при этом прежде всего в литературе отечественной. Разумеется, этот очерк ни в коей мере не претендует на историографическую полноту, тем более что историографические исследования уже опубликованы (см. Васильев 1985; Шелов-Коведяев 1985: 8-20; Марченко 1999). Нас должно интересовать, так сказать, не максимально полное перечисление специальных работ и имен ученых, а движение идей, оценка феномена Боспора различными исследователями на различных этапах развития науки, вычленение основного содержания, которое в это понятие вкладывалось.

2. Путешествия к трансцендентальному

Интерес к истории Боспора Киммерийского появился в XVIII в. Уже в это время исследователи, изучавшие свидетельства древних авторов (прежде всего Диодора Сицилийского и Страбона) о местных правителях, не могли не обратить внимание на своеобразие сложившейся здесь формы государственного устройства, на необычность ее для греческого мира. Может быть, в самой первой специальной научной работе по истории Боспора, вышедшей во Франции в 1725 г., и Археанактиды, и, разумеется, Спартокиды уверенно именуется царями (Де-Боз 1850: 15 сл.).

В России этот научный интерес в огромной степени был стимулирован в конце XVIII в., после присоединения к Российской империи Крыма и всего Северного Причерноморья. Тогда во вновь обретенные земли отправлялись ученые путешественники, да и просто энтузиасты-любители классических древностей. Разумеется, о сколь-либо глубоком осмыслении своеобразие Боспорского государства в это время вряд ли приходится говорить. Путешественники к этому не стремились, их умы были заняты мечтой об уголке Древней Эллады на юге России, о сопричастности исторической судьбы нашего государства к ее великому наследию. Конечно, в этих мечтах они невольно строили в Тавриде светлые греческие храмы, театры, дворцы местных правителей, величественные алтари, окруженные прекрасными статуями богов и героев и т.д. «Мы имеем право вообразить себе города античного мира покрытыми целым лесом статуй, колонн и храмов и все уголки жилищ и гробниц сколько-нибудь достаточных (т.е. состоятельных — Ю.В.) из их обитателей наполненными множеством прекрасных художественных произведений меньшего размера», — так писал по этому поводу П.М.Леонтьев (1851: 68).

Весьма устойчивым и существенным элементом этих грез о северопричерноморской античности стало видение прекрасных храмов. Казалось, что в Крыму древнегреческие «храмы любви не совсем еще разрушились» (Сестренцевич-Богущ 1806: 82). Представление о светлом, тихом храме великой классической древности в человеческом сознании вообще является почти архетипическим (см. Зелинский 1905: 70). Но мечта о нем на северном берегу Черного моря оказалась лишь мечтой, действительность была совсем иной, Древняя Эллада оставила здесь, в основном, другие памятники.

Очень показательна в этом плане история посещения Крыма А.С.Пушкиным. Как его литературный герой Евгений Онегин, в мечтах он видел —

«Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат...»

(V: 173. Ссылки даются по последнему академическому изданию 1977-1979 гг.).

И вот 15 августа 1820 г. А.С.Пушкин прибыл в Керчь. В письме к брату Льву поэт признался, что очень стремился увидеть здесь развалины Митридатова гроба и следы древней Пантикапеи, но увиденное оказалось очень прозаичным. Он пишет, что «на ближней горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи» (X: 17-18). Позднее в «Отрывке из письма к Д.» (т.е. к А.А.Дельвику), предназначенного для публикации в альманахе «Северные цветы», он так выразил свои керченские впечатления: «Я тот-

час (после переправы через пролив — Ю.В.) отправился на так называемую Митридатovu гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильно подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только» (VI: 429).

В конце концов знакомство с памятниками античности в Крыму, отчасти, может быть, и в Керчи, заставило поэта воскликнуть:

«К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм...»
(II: 195).

Но самого храма он не видел, да и видеть не мог.

Любопытно, что очень схожие ощущения попытался выразить Ф.Ф.Вигель, одно время исполнявший обязанности Керчь-Еникальского градоначальника. В своих записках о Керчи, законченных в 1827 г., он писал, что в древности ныне безжизненные степи, прилегающие к Керченскому проливу, процветали, и на этих цветущих землях ему в первую очередь виделись «храмы и вертограды (т.е. сады — Ю.В.)» (Вигель 1864: 12).

Уже значительно позднее А.С.Пушкина и Ф.Ф.Вигеля, человек отнюдь не поэтического призвания, не чиновник и не путешественник, К.К.Герц, обращаясь к древности, рисовал на берегах Керченского пролива следующую картину: «Повсюду, в городах и поселениях, в рощах и на утесистых мысах возвышались храмы, сооруженные более гуманным (чем варварские — Ю.В.) богам» (Герц 1868: 144). Правда, археологические реалии заставляли его заявить, что «от этого блеска прошлых дней только одни курганы и могилы сохранили нам слабое отражение» (Герц 1868: 144). Вполне созвучно этому и высказывание Б.В.Кене о том, что антиквар здесь сможет удовлетворить свое любопытство лишь сокровищами, находимыми в курганах (Кене 1857: 330). В общем, складывается весьма любопытная ситуация, не риску называть ее закономерностью, когда российские ученые люди всей душой стремились к храму, но находили лишь склепы и могилы.

Вернемся, однако, к путешественникам — контраст между мечтой и реальностью, нескрываемое разочарование от увиденного выступает в их путевых заметках, по большей мере, весьма рельефно. Д. де Монпере выразил свое впечатление следующим образом: «При посещении этих пустынных берегов, при виде этих иссохших рек, морских заливов и безымянных могильных насыпей, этих едва заметных развалин ... невольно спросишь, не взирая на описания Гомера, Геродота, Скимна и Страбона, — здесь ли лежал театр, здесь ли было начало столь важных событий» (De Montpereux 1843: 42). П.С.Паллас в своем ли-

шенном эмоций описании тем не менее признал, что равнина перед Керчью, покрытая многими холмами, имеет «совсем особенный вид», какой ему никогда ранее созерцать не приходилось (Паллас 1883: 54). Но о местных древностях он пишет весьма сухо, отмечая, впрочем, грубость исполнения надписей и рельефов (Паллас 1883: 58), а также плохое отношение русских солдат к случайно открываемым ими древним вещам (1883: 54). Другой путешественник, М.Е.-Д. Кларк, видевший Керчь в самом начале XIX в., заметил, что некоторые из здешних памятников древности представляются если не значительными, то по крайней мере интересными (Кларк 1999: 21). Их бедность и плохую сохранность он объяснял разрушениями, «которые перенесли все крымские города во времена различных революций, театром которых они были», частой сменой населения полуострова и т.п. «Но из всех народов, опустошавших эту несчастную страну, никто так, как русские, не показал себя врагом литературы и искусства» (Кларк 1999: 31). Оставим на совести автора эти русофобские сентенции, которые, впрочем, надо признать, не так уж несправедливы, и обратимся к заметкам путешественников отечественных.

П.П.Свиньин, известный издатель «Отечественных записок», посетил Керчь в августе 1825 г., примечательнейшим из здешних памятников древности он признал склеп Золотого кургана (1828: 9). Плачевное состояние материальных свидетельств ушедших эпох этот ученый путешественник связал с деятельностью другого народа. «Татары при первом еще нашествии на Крым, — как он писал, — из варварства и фанатизма разрушали храмы, разбивали памятники изящных искусств, и драгоценные остатки греческого и римского художества употребляли на фундаменты крепостей и мечетей» (Свиньин 1828: 13).

В том же 1825 г. Крым посетил А.С.Грибоедов, оставивший по поводу увиденных здесь древностей несколько любопытных замечаний. В своих путевых записках наш выдающийся литератор и дипломат отметил, что в окрестностях Херсонеса можно видеть фундаменты каких-то древних построек, но сам он — «ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен» (Грибоедов 1971: 165-166). Ясно, что они его не впечатлили, и дело здесь, надо думать, не в каком-то особом умственном и душевном складе наблюдателя, его невосприимчивости к обаянию старины: памятники Киева, который А.С.Грибоедов посетил на пути в Крым, совершенно овладели его воображением (1971: 245).

Можно привести еще одно свидетельство, уже имеющее прямое отношение к территории Боспорского государства. В письме к С.Н.Бегичеву из Феодосии А.С.Грибоедов отметил, что около города он видел «ветхие стены италий-

цев, греков или готфов, судя по тому, кто какие книги читает и которым верит» (1971: 251). О самой Феодосии в приступе глубочайшей тоски он написал, что на этом пепелище господствовали многие народы, «за ними явились мы (т.е. русские — Ю.В.), всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрыто, не перекопано. — Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бранными остатками нашего бытия» (Грибоедов 1971: 251). Удивительное созвучие этих слов с приведенным выше суждением М.Е.-Д.Кларка, конечно, никак нельзя признать случайным.

П.И.Сумарокова как будто не очень смущала невыразительность сохранившихся памятников Боспора Киммерийского, он не усомнился «утвердить породу бедной Керчи от величавой Пантикапеи» (Сумароков 1805: 115), но опять же самое большое впечатление на него произвел курган Алтын-Оба (Золотой), тот самый, который через несколько лет после крымского судьи посетят А.С.Пушкин и П.П.Свинын. П.В.Беккер, в чем-то вторя П.И.Сумарокову, писал по другому поводу, что «теперешнее жалкое местечко Тамань в древние времена было богатым и красивым городом» (Беккер 1853: 378). Названные очевидцы как будто стремились выразить одну простую истину, а именно ту, что богатство культуры на берегах Керченского пролива когда-то было, но от него почти ничего не осталось.

Очень ярко разочарование от увиденных памятников классической древности района выразил И.М.Муравьев-Апостол. Он писал, что Керчь имеет «печальный вид кладбища», город можно назвать трупом Пантикапея, в коем вся жизнь уже погасла (Муравьев-Апостол 1823: 258). «Где скрылась слава? Где памятники?» — невольно восклицает путешественник (1823: 314), но утешиться ему остается лишь тем, что с этими местами был связан заключительный этап борьбы Митридата Евпатора с Римом, иными словами, «с тьмуголовым чудовищем всеобщей монархии», попытку возрождения которой (имеется в виду империя Наполеона — Ю.В.) совсем недавно уничтожила Россия, да так, что уже окончательно (Муравьев-Апостол 1823: 297-298). Оставив в стороне наивность заключения об окончательности победы над «тьмуголовым чудовищем», можно обратить внимание, что актуализация древней истории — важная особенность сочинений подобного рода, уже в них отчетливо прозвучала идея о схожести исторических судеб Боспорского государства и России. «Да, гора Митридат в Керчи есть место назидательное и вместе с тем интересное для всякого мыслящего человека» — с этими словами А.Б.Ашика (1849: VI), конечно, следует полностью согласиться.

Итак, впечатления путешественников от знакомства с памятниками Боспора Киммерийского нельзя признать особенно яркими, при этом все они, несмотря на различие авторов, их занятий, целей поездок и т.п., в общем, однозначны. Для большей убедительности можно привести еще одно свидетельство. Ф.Ф.Вигель, заканчивая свою «Записку о Керчи», обронил весьма значимую фразу: «Дай Бог, не видеть сей город, пока он совершенно не преобразится» (1864: 98).

А.А.Формозов, однако, в своем интереснейшем эссе «Пушкин и древности» указывал на различие керченских впечатлений А.С.Пушкина и И.М.Муравьева-Апостола. Надо сказать, это отмечал и сам А.С.Пушкин (VI: 553). Сухость пушкинских заметок А.А.Формозов объяснил тем, что поэт был разочарован увиденным подобно тому, как и в наше время часто испытывают разочарование многие простые посетители археологических раскопок, «которые ждут чего-то значительного, выразительного, ясную и цельную картину ушедшей жизни, а видят всего-навсего обрывки кладок, разбитые кирпичи, черепки» (Формозов 1979: 30; 1986: 87). Трезвый и точный взгляд А.С.Пушкина, по мнению уважаемого исследователя, резко отличается его строки от многостраничных вздохов умиления «нежных путешественников» (Формозов 1979: 40). Здесь А.А.Формозов все-таки не вполне прав: действительно, повествование И.М.Муравьева-Апостола очень пространно и в отношении отдельных мест Крыма окрашено в самые яркие краски, но по отношению к Керчи никаких вздохов умиления в них нет. Какое вообще может быть умиление от лицезрения «трупа» знаменитого города? С другой стороны, и в краткой заметке А.С.Пушкина неоднократно отмечается восхищение крымской природой, горными пейзажами и пр., но только не памятниками древности. И ключ к пониманию такой ситуации дал сам великий поэт, написавший, что «мифологические предания» были милее для него «воспоминаний истории» (VI: 430).

Вопрос-то в данном случае состоит не в том, кто более точно и кратко выразил свои впечатления, а в том, почему в Крыму не сохранились памятники античной культуры, которыми любой, самый неподготовленный посетитель мог бы залюбоваться, без посторонней подсказки признать их величие, воспоминания о встречах с которыми стали бы составной частью его внутреннего мира. Я абсолютно уверен, что если бы волею судеб к России в XVIII в. отошел не Крым, а другой район греческой колонизации, скажем, Юг Италии, то лицезрение руин греческих храмов в Акраганте или Пестуме вряд ли заставили бы поэта писать о своей вере в существование грозного храма.

Итак, о впечатлениях путешественников от керченских древностей, на мой взгляд, сказано достаточно много. Столь большое внимание к

ним можно оправдать лишь тем, что многие из названных авторов сумели чутко уловить и выразить весьма важную особенность античной культуры Северного Причерноморья, о которой позднее писать стало как-то не принято. Ж.-К.Гарден с полным основанием заметил: «Путевые рассказы, которые умели писать вплоть до начала нашего столетия — это неисчерпаемый клад «субъективных» размышлений о людях настоящего и прошлого. Рядом с ними наши «научные» работы кажутся мне крайне бедными» (Гарден 1983: 264). Таковыми они кажутся А.А.Формозову (1995: 18) и, надо признать, мне тоже. Ведь и сейчас, после десятилетий систематических раскопок наиболее ярким символом северопричерноморской античности следует признать не храм, хотя кой-ка-

кие остатки храмов открыты на многих древних городищах, а склеп Царского кургана или некоторые предметы знаменитой греко-скифской торевтики, которые, я почти не сомневаюсь, в значительном своем числе были предназначены исключительно для помещения в могилу. Уверен, что эта символичность отнюдь не случайна. Совсем не случайно и само обилие находок боспорской торевтики в погребальных памятниках, что по-настоящему еще не оценено. Лучше многих, на мой взгляд, это сделал А.Б.Ашик, который писал: «Присутствие этих вещей в гробницах служит предзнаменованием вечного блаженства, обещанного посвященным; так и самые язычники не отвергали радостей, ожидающих праведных за пределами мира сего» (Ашик 1850: 138).

3. На пути к вершине

Период путешествий, описаний достопримечательностей областей, прилегающих к Керченскому проливу, первых случайных археологических раскопок по понятным причинам не дал примеров глубоких научных разработок по проблеме Боспорского государства, своеобразия его истории (см. Сестренцевич-Богущ 1806: 357 сл.) Например, П.И.Кеппен, в 1828 г. впервые публикуя надпись боспорского царя Перисада I, в которой тот именуется архонтом Боспора и Федосии, а также царем синдов, торетов и дандариев (КБН. 1014), не придавал этой двойной титулатуре (архонт и царь) никакого значения (Кеппен 1828: 78-79). В плане понимания культуры местных колонистов он, однако, абсолютно верно подчеркивал, что «греков Боспора никак не должно связывать с греками Афин» (Кеппен 1828: 85).

Следует подчеркнуть, однако, что в 1827 г. чрезвычайно содержательная программа изучения древностей северного берега Черного моря была опубликована И.А.Стемпковским, который надеялся, что его мысли будут одобрены просвещенными соотечественниками, а его предположения — реализованы (Стемпковский 1828: 72). Но приблизительно в то же самое время под Керчью были сделаны очень важные археологические открытия, ярко обозначившие боспорский феномен, открытия, которые следует признать поворотным пунктом в развитии отечественной археологии. В 1821 г. при случайных обстоятельствах было открыто и практически расхищено богатое погребение в так называемом кургане Патиниоти (Сансе 1889; Blaramberg 1822). Девять лет спустя, в 1830 г. была исследована знаменитая Куль-Оба (ДБК: XXXII сл.). Ю.Ю.Марти по этому поводу справедливо заметил, что золото Куль-Обы ослепило всех, научные разыскания надолго отошли на задний план, внимание археологов было отвлечено поисками золота (Марти 1926: 8). Эти поиски привели к тому, что в дальнейшем в те-

чение XIX в. под руководством А.Б.Ашика, В.Д.Карейши, А.Е.Люценко, К.Р.Бегичева, Т.В.Тизенгаузена, Н.П.Кондакова и др. были раскопаны сотни курганов Восточного Крыма и Тамани. С этого времени Боспор Киммерийский стал прочно ассоциироваться с курганной культурой, с уникальными находками из погребальных комплексов, которые часто имели своеобразный смешанный греко-варварский характер.

О немедленном адекватном осмыслении сделанных открытий говорить, конечно, не приходится. К примеру, мнение П.Дюрюкса о том, что в кургане Куль-Оба был погребен скифский царь (см. Ашик 1848а: 37), которое сейчас является общепринятым, поначалу казалось очень спорным. Д. де Монпере предполагал, что здесь был погребен боспорский царь (De Montpeyreux 1843: 219-222). А.Б.Ашик в своей известной книге занял весьма противоречивую позицию, — он признавал погребение скифским (1848а: 32-33), но чуть ниже писал, что гробница принадлежала «какому-нибудь пантикапейскому Археанактиду» или одному из боспорских царей (1848а: 38; ср 1850: 138). Явную негреческую специфику памятника этот исследователь связывал с тем, что нравы, обычаи и язык местных греческих колоний вообще «сильно отсылались соседством скифов» (1848а: 39). Сомнение в том, что в Куль-Обе были похоронены скифский царь и царица, высказал Г.И.Спасский. Он считал более вероятным, что здесь был погребен один из боспорских царей, который мог заимствовать от подчиненных скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» (Спасский 1846: 120). Сходной трактовки придерживался и Ф.А.Жиль, рассматривавший этот памятник как усыпальницу Левкона I или его отца Сатира (ДБК: XLVI; но ср. Жиль 1961: 56), а варварские черты погребального обряда и инвентаря объяснявший тем, что первый Левконид по политическому расчету был вынужден принять «одежду и обычаи народа, над кото-

рыми он утвердил свое господство» (ДБК: XLVIII). Остается только удивляться, насколько ученые XIX в. были радикальны в плане оценки уровня развития греко-варварских связей на Боспоре, если даже правители государства, по их мнению, мало чем отличались от скифских вождей по одежде, нравам и обычаям. Такую смелость выводов позднее мог себе порой позволить лишь М.И.Ростовцев (Rostowzew 1913: 15).

К середине XIX в. появляются попытки обобщить накопленный материал, предложить типологическую и хронологическую схему боспорских погребальных комплексов. Наиболее известная схема опубликована в «Древностях Боспора Киммерийского», она включает пять типов древних гробниц:

1. Гробницы с египетским сводом или, выражаясь современным языком, с уступчатым перекрытием камеры. Их датировали VI-IV вв. до н.э.

2. Грунтовые могилы, перекрытые каменными плитами или черепицами, плитовые гробницы, «пепельные гробницы». Их относили к IV в. до н.э. — I в. н.э.

3. Гробницы с круглым сводом, которые датировались тогда II в. н.э.

4. Погребения с надгробными камнями, на которых представлены рельефы и надписи. Как считалось, они относятся к II — III вв. н.э., а, может быть, и еще более позднему времени.

5. Катакомбы. В отношении этого типа подчеркивалось, что, по словам П.Дюбрюкса, они были открыты на северном склоне горы Митридат (ДБК: LXXXVI).

Общеизвестно, что именно П.Дюбрюкс сыграл очень важную роль в изучении древностей Боспора Киммерийского, фиксации и описании сохранившихся памятников (Дюбрюкс 1858), его абсолютно заслуженно признают «отцом боспорской археологии». Реже отмечается, что ему принадлежит заслуга самой первой попытки систематизации местных погребальных памятников. Эта попытка представляет безусловный научный интерес, совсем не случайно записку П.Дюбрюкса «О различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи» опубликовал Т.В.Тизенгаузен (1888: 135-139). Если останавливаться на этом документе подробнее, чего он безусловно заслуживает, то прежде всего следует отметить, что выдающийся исследователь выделял здесь 6, а если внимательнее вчитаться в текст, то 7 типов древних гробниц.

1. Самыми древними он считал гробницы с «дугообразным сводом», вырубленные в скале. По его мнению, здесь, возможно, были погребены киммерийцы или даже их предшественники. С утверждением в северопричерноморских степях скифов и выведением греческих колоний обряд погребения на Боспоре меняется.

2. Катакомбы, вырубленные в скале, над которыми насыпались курганы. Они, по мысли

автора, принадлежали скифам.

3. Катакомбы, содержащие урны с прахом покойных. Они считаются греческими, возможно, даже могилами первых греческих колонистов.

4. Простые бескурганые погребения в могилах, сложенных из тесаных камней, которые тоже признаются греческими, но более поздними, чем тип 3.

5. Склепы, похожие на Куль-Обу.

6. «Склепы с дугообразным сводом», оштукатуренные известью.

7. Небольшие курганы, расположенные к северу от Керчи, под насыпями которых находились могилы из тесаных камней.

В схеме П.Дюбрюкса сразу бросается в глаза отличие от приведенной ранее. Автора интересовала, так сказать, не просто типология и хронология погребальных комплексов, но также и связь отдельных их категорий с определенными этносами, конкретными историко-культурными этапами развития Боспора Киммерийского. С современной точки зрения эту систематизацию, конечно, можно признать очень несовершенной, удивление вызывают некоторые этнические интерпретации и хронологические определения. К примеру, остается абсолютно непонятным, какие катакомбы и почему П.Дюбрюкс считал скифскими. Современные исследования бесспорно демонстрируют тот факт, что скифские катакомбы в Крыму являются большой редкостью (Колтухов, Кислый, Тоцев 1994: 112), тем более — в окрестностях Керчи. Можно поставить и другие вопросы, но вряд ли они здесь уместны. Перед нами первая систематизация открываемых археологических объектов, значение которой трудно переоценить. Разумеется, она могла стать прекрасной основой для дальнейших полевых исследований, дополняться, исправляться, наполняться новым содержанием, но, к сожалению, у П.Дюбрюкса в этом деле не нашлось последователей, и его работа оказалась неустраиваемой.

Правда, еще одна попытка систематизации открываемых памятников принадлежит чиновнику Керченского музея А.С.Линевичу, который проводил раскопки в 1853 г. и выразил результаты своих четырехмесячных наблюдений в специальной заметке (см. Линевич 1854). Он, подобно П.Дюбрюксу, выделил 7 типов погребальных комплексов.

1. Склепы типа куль-обского, то есть с уступчатым перекрытием камеры.

2. Земляные катакомбы.

3. Гробницы, построенные из камня как склепы, но без уступчатых сводов.

4. Могилы, обложенные каменными плитами.

5. Простые грунтовые могилы, которые могут быть перекрыты каменными плитами. Любопытно, что А.С.Линевич считал, что неперекрываемые могилы являлись самыми древними по-

гребальными комплексами Боспора Киммерийского.

6. «Жженые гробницы», то есть кремации всех разновидностей.

7. «Черепичные гробницы».

Весьма интересны наблюдения автора по проблеме хронологии погребений. К примеру, он справедливо отметил, что катакомба, в которой была найдена, судя по описанию, акварельная пелика, не может считаться христианской. Однако А.С.Линевича интересовали не только находки, но и, выражаясь современным языком, горизонтальная стратиграфия некрополей. Приведя факты, когда гробницы различных типов прорезали друг друга, он заметил, что еще 2-3 таких наблюдения, и вопрос древности (хронологии) различных типов погребальных памятников будет решен (Линевич 1854: 549).

В отношении разработки хронологии боспорских погребальных комплексов хочется подчеркнуть, что лишь в 1850 г., то есть немногим раньше работы А.С.Линевича, она встала на более-менее научную основу. Тогда Э.Г.Муральт указал, что для выяснения времени древних могил могут помочь находки монет, стеклянных сосудов, а также стиль ваз и украшений. Он правильно отметил, что стеклянные сосуды обыкновенны для римской эпохи, а расписные вазы — для более ранней (Муральт 1850: 306-307). Для сравнения можно указать, что хронология античных расписных ваз в общих чертах была установлен Э.Герхардом лишь после раскопок в Вульчи 1831 г. (Жебелев 1923: 37).

В принципе, следует признать, что середина XIX в. стала важным рубежом в развитии отечественного боспороведения. Именно тогда появились четыре первых крупных исследования в изучении Боспора Киммерийского, с этого времени начинается быстрое развитие этой отрасли знания, достигшее через полстолетия в трудах М.И.Ростовцева и В.В.Латышева блестящих высот. Имеются в виду монографии Г.И.Спасского «Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями» (1846 г.), А.Б.Ашика «Воспорское царство» в трех томах (1848-49 гг.), П.П.Сабатье «Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского» (1851 г.) и, наконец, такой фундаментальный труд, как «Древности Боспора Киммерийского» (1854 г.), во многих отношениях не потерявший своего научного значения до сих пор. Показательно, что в зарубежной литературе в это же время было сформулировано положение о значительном влиянии на греческую колонизацию природы и характера населения страны, на территорию которой колонии выводились (Neumann 1855: 331), а несколькими десятилетиями позднее появился и термин «хинтерланд» греческих колоний Северного При-

черноморья (Burchner 1885: 20).

Уже на этом этапе очень дискуссионным стал вопрос о типе политического устройства Боспорского государства, характере власти его правителей. Г.И.Спасский не выражал сомнений в том, что Боспорское царство было основано Археанактидами (1846: 38 сл.), с ним был вполне солидарен П.П.Сабатье (1851: 32). А.Б.Ашик не считал Археанактидов царями, полагая, что те избирались из вельмож (1848: 17), историю боспорских царей он начинал со Спартока I (1848: 44 сл.). В.П.Григорьев указывал, что одной из важнейших научных задач является выяснение того, «в чем заключались особенности греческой жизни, развившейся на берегах Киммерийского Боспора» (1851: 115). Одной из таких особенностей, безусловно, является возникновение царской власти. Этот исследователь не придавал особого значения двойной титулатуре боспорских правителей «архонты-цари», полагая, что боспорские греки призывали «править и володеть» царей соседних варваров, чтобы иметь в них военачальников для защиты от других варваров. Титул «архонт» был сохранен из уважения к «республиканскому тщеславию греческих колоний, гонявшихся за словом, а не за делом» (Григорьев 1851: 145). На деле же здесь утвердилась монархическая форма правления. Г.К.Э.Келер, напротив, считал, что на Боспоре долго удерживались республиканские формы, а местные «начальники» были лишь высшими градоправителями (Келер 1850: 126).

Б.В.Кене признавал и Археанактидов, и Спартокидов династиями наследственных архонтов (1857: 330, 333-334). При этом он подчеркнул, что Боспорское царство при Спартоке было столь невелико, а царский титул над варварами столь мало известен, что даже не нашел отражения в письменных источниках (Кене 1857а: 17). По этому поводу хочется заметить, что все-таки лучше было бы считать, что такого титула у Спартока не было вовсе.

Очень большое значение среди научных работ этого периода имеет статья князя А.А.Сибирского «Взгляд на автономию и историю Пантикапея» (1867). Пытливый взгляд исследователя сумел уловить многие весьма любопытные детали боспорской истории, и главная среди них заключается в том, что местные греческие колонии через два поколения после основания создали монархический режим. Этот монархический режим развивался от олигархической формы правления, утвердившейся здесь с момента выведения колоний, к тирании Археанактидов, ставших во главе политической федерации автономных городов, и, наконец, к владычеству Спартокидов, которые, по мнению автора, сумели создать народную династию (Сибирский 1867: 139). Эти монархи были терпимы по отношению к эллинам-гражданам и тверды в отношениях с туземными

племенами. Совсем не случайно в надписях они именовались архонтами греков, но царями варварских народов. Легкость, с которой греки подчинились «ненормальному для них правлению» объясняется примесью скифских обычаев в их среде, а также и примесью туземной крови. Показательно, что даже сильное влияние Афин не принесло на Боспор Киммерийский «демократической заразы» (Сибирский 1867: 146). Однако по мере того, как кровь ионян все более мешалась со скифской, эллино-боспорская автономия все более увядала, политическая энергия греков вырождалась и теряла жизненные силы, могущество Спартокидов клонило к упадку.

В роковой момент боспорской истории власть была передана понтийскому царю Митридату Евпатору, который поначалу стал подражать давнишней политической традиции своих предшественников. Под его властью боспоряне надеялись увидеть «дорогое приволье своих предков» (Сибирский 1867: 158). Однако после поражений в борьбе с Римом владычество Ахеменида стало игом, несовместимым с интересами боспорского общинного союза. В таких условиях восстание на Боспоре против Митридата стало вполне закономерным. Последующий период А.А.Сибирский считал этапом возвращения Боспора варварам, когда Пантикапей, по выражению автора, прозябал как поблекшая столица дряхлеющего государства (Сибирский 1867: 165).

А.М.Подшивалов тоже указывал, что при изучении боспорской истории самое большое внимание должно быть обращено на форму правления, на разграничение эпохи республиканской от монархической (1888: 73). По его мысли, и Спарток I, и Археанактиды, у которых он принял власть, были наследственными архонтами; форма правления на Боспоре изменялась постепенно, перейдя в монархическую лишь около 284 г. до н.э. при Спартоке II (Подшивалов 1888: 75).

Включившийся в дискуссию А.В.Орешников по этому вопросу отмечал, что «деление титулов не могло не иметь политического значения» (1888: 90). Как и А.М.Подшивалов, он подчеркивал, что титул «басилевс» начинает преобладать лишь при сыне Евмела Спартоке, но сам по себе титул надписей еще не доказывает монархической формы правления, а монеты, чеканенные боспорскими городами, указывают на их автономию (Орешников 1888: 91). Эти положения тут же были оспорены П.О.Бурачковым (1888: 114-118). Но В.В.Латышев вновь утверждал, что Археанактидов и первых Спартокидов нельзя прямо называть царями. Один этот титул (т.е. царь) в боспорских надписях имеет только сын Евмела Спарток, но эту перемену следует связывать с тем, что около того же времени такой титул приняли диадохи (Латышев 1909: 84-85).

Острые споры о форме политического устройства Боспорского государства, развернувшиеся в XIX в., продолжают и сейчас, повторяются одни и те же доводы, против которых выдвигаются старые контрдоводы. Признаться, незаинтересованному в дискуссии человеку очень трудно уяснить, в чем же состоит разница между наследственным, пожизненным архонтом и монархом, почему в монархическом государстве отдельные города не могли чеканить свою монету и т.п. За этими спорами может потеряться главное, о чем писал князь А.А.Сибирский: на Боспоре Киммерийском сравнительно быстро (может быть, не через 2, а через 3 поколения после выведения колоний) утвердился монархический режим, оказавшийся весьма и весьма жизнестойким.

Основные достижения отечественного антикведения этого этапа были обобщены и в популярной форме изложены Д.И.Иловайским. В очерке истории Боспора Киммерийского этот автор обратил внимание на многие важные особенности, отличающие его от других античных центров региона (Иловайский 1883: 363 сл.). Он правильно указал, что этот уголок Тавриды был особенно богат греческими колониями, через него происходили частые передвижения и набеги кочевых народов с европейской стороны пролива на азиатскую и обратно. Опасность этих передвижений побуждала боспорских греков к взаимному сближению, постепенному отказу от республиканских традиций и подчинению монархическому началу. Такому развитию способствовало наличие варваров в составе населения городов Боспора. Д.И.Иловайский заметил по этому поводу, что «колонисты вообще мало привозили с собой женщин и по необходимости должны были вступать в брак с туземками; отсюда происходили новые поколения полуварварские, полугреческие» (1883: 364).

Государство, возникшее здесь, тоже было полуэллинским-полуварварским. Возможно, именно Д.И.Иловайскому принадлежит честь введения в научный оборот этого чрезвычайно популярного сейчас определения. Сначала в Боспорском полуэллинском-полуварварском государстве владычествовала семья Археанактидов, а затем на 300 лет воцарились Спартокиды, которые «щадил республиканские воспоминания и привычки эллинских колонистов и принимали царский титул только по отношению к варварам, а для греков как бы оставались высшими сановниками республики» (Иловайский 1883: 365). Туземное влияние отразилось также в культуре Боспора и особенно ярко, по мнению автора, в религиозной области, где происходило смешение «греческого язычества со скифским, изящных античных мифов с грубым идолопоклонством варваров» (1883: 379).

Нет сомнения, что «Очерки и рассказы» Д.И.Иловайского были очень популярны среди

читающей публики в России конца XIX — начала XX вв. Нарисованная в них картина истории развития Боспорского государства не могла не увлекать пытливые, особенно молодые умы. По этой причине влияние данной книги на будущее развитие отечественной науки никак нельзя игнорировать.

Расширению базы источников в значительной степени способствовали развернувшиеся исследования грунтовых некрополей. Особо следует отметить работы К.Е.Бегичева и В.В.Шкорпила, раскопавших сотни погребений на некрополях Пантикапея и Мирмекия. Своеобразные памятники культуры местного населения Керченского полуострова — погребения в каменных ящиках с кольцевыми обкладками — были открыты археологом-любителем А.А.Дириним на мысе Зюк (Дирин 1896). В то время они не привлекли внимания ученого мира и по-настоящему были оценены лишь в наши дни (см. ниже).

На рубеже веков барон Э.Р.Штерн активно ввел в научный оборот новую категорию археологических источников, ранее почти не использовавшуюся в исторических исследованиях, — это привозная греческая керамика, правда, пока лишь расписная. Иногда и «презренный черепок», как он писал, может служить «исходным пунктом для важной исторической комбинации» (Штерн 1900: 20). Этот исследователь впервые собрал известные к тому времени в Северном Причерноморье находки родосско-ионийской посуды, оценил их немногочисленность и пришел к очень важному заключению, которое впоследствии стало чрезвычайно популярным в отечественной науке, трансформировавшись в так называемую «эмпорическую теорию» греческой колонизации (см. ниже). Немногочисленность этих находок исследователь объяснил тем, что на раннем этапе освоения региона греки основывали не колонии, а торговые фактории на уже существовавших туземных поселениях. Прилив в фактории разношерстного греческого населения, привлеченного выгодами торговых связей с местными племенами, приводил к созданию на поселениях греческих кварталов, а затем и приданию выселкам государственного статуса, то есть созданию настоящих колоний, городов-государств. Таким образом, по мысли Э.Р.Штерна, колонии как бы вырастали из факторий (Штерн 1900: 6-7; 1906: 5-6). Очень близкие идеи были вскоре высказаны Э.Миннсом (Minns 1913: 436 ff.).

Э.Р.Штерну принадлежит еще одна важная заслуга — он первым осознал значимость изучения импортной керамики на варварских территориях. Исследователь считал, что с помощью изучения таких находок можно лучше узнать, «насколько греческие колонисты успели распространить сферу своего влияния и культурного воздействия на окружающее их варвар-

ское население» (Штерн 1901: 11).

Кроме того, в материалах расписной керамики (так называемые «боспорские» и «акварельные» пелики) Э.Р.Штерн нашел основания для заключения о консерватизме религиозных верований и бытовых воззрений греческого населения Боспора Киммерийского. Он писал: «Общеизвестно, что ... группы людей, живущих вдали от культурных центров своего народа, на чужбине, устойчиво сохраняют старинные верования и обычаи еще в то время, когда они на родине уже вышли из употребления и давно забыты» (Штерн 1900: 12). Разумеется, боспорские греки, по крайней мере основная их часть, были такой оторванной от культурных центров родины группой населения, и обозначенный Э.Р.Штерном феномен был весьма важной составляющей общественного сознания колонистов. К сожалению, до сих пор это явление духовной жизни северопричерноморских греков не нашло достойного исследования.

Еще одна мало оцененная, но хорошо известная работа, трактующая проблемы духовной жизни греческих колоний Северного Понта, принадлежит И.И.Толстому. В книге «Остров Белый и Таврика» он попытался продемонстрировать, что образ Ахилла на Левке и культ Девы в Херсонесе Таврическом были самым тесным образом связаны с представлениями о потустороннем мире. Само наименование Черного моря «Гостеприимным» (Понт Евксинский), по его мнению, является лишь эвфемизмом для обозначения совсем иной, сакральной сущности. Оно связано с миром, находящимся за пределами земной жизни, это страшное неизбежное море, которое многих «гостей» уже приняло и многих примет еще (Толстой 1918: 153). М.И.Ростовцев в критической рецензии на книгу отмечал, что идея И.И.Толстого правильна и плодотворна и что она объясняет многое, хотя, конечно, не все (Ростовцев 1918а: 179).

Массовые раскопки курганов в Восточном Крыму и на Тамани, а также и на сопредельных территориях дали интереснейшие материалы, которые, как уже отмечалось, позволили некоторым ученым говорить о двойственном характере культуры, сочетавшей греческие и варварские черты, областей, которые прилегли к Боспору, а в известном смысле и самого Боспора. А.С.Лаппо-Данилевский предостерегал от переоценки этого факта. Он абсолютно справедливо заметил: «Из смеси, в которой слишком малая роль отведена была туземному элементу и слишком большая наносной греческой культуре не вышло соединения». С ослаблением притока греков-колонистов из метрополии и одновременно с усилением давления нахлынувших со всех сторон варваров эта «искусственно выращенная образованность ... не выдержала и рухнула» (Лаппо-Данилевский 1894: 118). Б.В.Варнеке процитировал эти сло-

ва А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г., когда, как казалось, история повторялась, и слова ученого звучали почти пророчески (Варнеке 1919а: 24).

В начале XX в. трактовка исторического значения Боспора становится более глубокой, в ней как будто нашло отражение предчувствие потрясений, которые неминуемо ожидали России в этом столетии. Боспорское царство стали рас-

сматривать в ряду тех государств, которые стояли на пути движения варваров в богатые цивилизованные страны. Как только власть в таких государствах ослабевала, путь для варваров открывался, «и история заносила на свои страницы рассказы об ужасах, которые сопровождали нашествия скифов, готов, гуннов, русов и т.д.» (Забелин 1908: 274).

4. Феномен М.И.Ростовцева

Сейчас уже общепризнано, что важнейшее, по-настоящему революционное значение в изучении Боспорского царства и Скифии принадлежит М.И.Ростовцеву, в трудах которого феномен Боспора нашел очень яркое выражение. Сравнивая с предшественниками, можно признать, что они составили целую эпоху в антиковедении и скифологии, продемонстрировав, по выражению Г.С.Лебедева, роль «Скифии» (при меняющемся этническом составе и сложной этнополитической структуре этого восточноевропейского региона) в мировом историческом процессе (Лебедев 1992: 385). Фундаментальный труд М.И.Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925; Rostowzew 1931) до настоящего времени не потерял своего научного значения. Само название данной работы в сжатом виде выражает сущность взгляда М.И.Ростовцева на важную закономерность античной истории Северного Причерноморья, которая заключается в особом значении, особой роли Боспора в процессе греко-варварских взаимоотношений региона.

М.И.Ростовцев считал, что греческим городам на северном берегу Понта позволило быстро развиваться наличие сильного скифского государства. При этом развитие местной государственности он связывал с киммерийцами, считая, что центр «киммерийской державы» находился именно на Боспоре Киммерийском (Ростовцев 1918: 31 сл.; 1925: 4, 22; Rostovtzeff 1922: 8-9, 37-38, 41 ff). Греческая колонизация района в плане политической организации местных апоекий интересна сравнительно быстрым возникновением здесь тирании, что было уже достаточно хорошо выражено предшествующим поколением исследователей. «Боспорская тирания, — по мысли М.И.Ростовцева, — представляется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира» (1989: 183). Это и не чисто греческая младшая тирания, и не царская власть восточного или эллинистического типа, но тем не менее политическая система, которая оказалась очень прочной, просуществовавшей века. Главным скрепляющим элементом, своего рода цементом боспорской государственности стала скифская опасность, сплавившая воедино и греческие, и варварские элементы (Rostovtzeff 1922: 71). Двойственная структура государства нашла отражение в двойной титу-

латуре боспорских правителей, которые были архонтами (тиранами) для греков и царями для варваров.

В своем историческом развитии правители Боспора — это типичные тираны, постепенно превращающиеся в эллинистических монархов (Ростовцев 1914: 10; 1989: 192-193). И это в высшей степени любопытно, поскольку такой трансформации нет ни в одном из уголков античного мира. Историческая эволюция Боспора заключается в развитии от ионийских городов-государств к греко-меотскому государству с греками в привилегированном положении, постепенно изменяющемуся в эллинистическую монархию. В этой монархии оба элемента были ограничены: местное население эллинизировалось, а греки постепенно принимали дух и обычаи туземцев. Дуализм может быть отмечен в каждой сфере жизни, особенно же в культуре боспорского правящего класса (Rostovtzeff 1922: 73).

Среди почти забытых в наше время работ М.И.Ростовцева следует выделить статью «Боспорское царство и южно-русские курганы» (Ростовцев 1912), в которой он попытался дать периодизацию истории развития античной культуры Северного Причерноморья в его целостности, то есть как в греческих государствах, так и на варварских территориях. При этом М.И.Ростовцев отошел от упрощенных эволюционистских схем, показав всю сложность культурно-исторического процесса в регионе с его подъемами и спадами. Он выделил три периода наивысшего расцвета материальной и художественной культуры на северном берегу Понта.

Во-первых, — это архаический период в Ольвии и Кубанских степях; во-вторых, — период раннего эллинизма (2-ая половина IV-III вв. до н.э.) по всему Северному Причерноморью; в-третьих, — римский (I-II вв. н.э.) на Кавказе, в Боспорском царстве и отчасти в Ольвии и Херсонесе (Ростовцев 1912: 103 сл.).

Хронологические и территориальные рамки выделенных этапов почти через 100 лет после выхода работы, конечно, могут быть уточнены. Однако намеченная М.И.Ростовцевым динамика исторического развития северопричерноморских греческих государств со всеми ее периодами подъема и упадка, сопоставление их с аналогичными и практически синхронными явлениями, происходившими в среде ме-

стных племен, имеет огромное значение для современной науки. Остается только сожалеть, что потенциальные возможности такого под-

хода, как впрочем и многих других идей великого предшественника, весьма далеки от удовлетворительной реализации.

5. Новый мир — старые пути

Грандиозные перемены в политической, экономической, социальной, культурной сферах жизни нашей страны, которые произошли после Октябрьской революции 1917 г., отнюдь не сразу сказались на положении науки, точнее — не сразу резко обозначился разрыв с традициями, принесшими заслуженную славу отечественной античной археологии. Поначалу она продолжала развитие в привычном русле, жесткая идеологизация науки наступит позднее.

Весьма показательно, что в 1925 г. увидела свет книга М.И.Ростовцева, покинувшего советскую Россию еще в 1918 г., — «Скифия и Боспор». В.П.Бузескул в своем историографическом очерке дал работам этого автора очень высокую оценку, подчеркнув его стремление представить античную историю Северного Причерноморья как целостное явление и одновременно как интегральную часть мировой истории (Бузескул 1927: 9); А.Жебелев не только высоко оценил вклад М.И.Ростовцева, но и обнародовал его программу дальнейших археологических изысканий в Северном Причерноморье, которая была сформулирована в тогда неопубликованной работе «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря». Первой задачей в ней признается расширение систематических раскопок греческих городов, в том числе Пантикапея, Нимфея, Гермонассы, Горгиппии (Жебелев 1923: 150; Ростовцев 1993: 28). Только при ее выполнении, как считал С.А.Жебелев, современные археологические антиковеды будут достойными преемниками своих выдающихся предшественников.

Явно под влиянием идей М.И.Ростовцева, хотя в чем-то и дискутируя с ним, написал свой очерк истории Боспора Ю.В.Готье. Он подчеркнул, что государственное устройство, сложившееся на берегах Керченского пролива, необычно для Древней Греции, немалое своеобразие демонстрируют и дошедшие до нас памятники древности. По этому вопросу автор писал: «Вещественные памятники Боспорского царства общим своим характером существенно отличаются от памятников Ольвия и Херсонеса» (Готье 1925: 187). Не удивительно, что такими памятниками прежде всего признавались знаменитые боспорские курганы — Большая Близница, склепы Васюринской горы и пр.

В отношении политического развития боспорских колоний Ю.В.Готье отмечал, что уже через 100 лет после их выведения на Боспоре мы видим «что-то вроде монархической власти». В отличие от Ольвии и Херсонеса, Боспор,

всега скорее, следует сравнивать с эллинистическими царствами наследников Александра Македонского. «Деспотический строй, прочно и последовательно водворявшийся на Боспоре, вытравил следы демократических учреждений, если они вообще когда-либо там существовали» (Готье 1925: 206).

Особенности культурно-исторического развития района, по мысли исследователя, следует связывать с сильным негреческим влиянием; на Боспоре очень рано стали чувствоваться иные культурные силы и влияния, действовавшие параллельно греческим и часто наперекор им. В отличие от М.И.Ростовцева, Ю.В.Готье не видел на Боспоре Киммерийском каких-либо следов Киммерийской державы. Причину сильного негреческого влияния он связывал с географическим фактором. По его мнению, боспорские колонии были расположены не в глухих и укромных местах, как Ольвия или Херсонес, а посреди большой дороги, ведущей из цивилизованных стран Востока в степи Северного Причерноморья. Боспор — это узел путей как сухопутных, так и водных, ведущих вглубь хинтерланда; именно такое его положение стало причиной особой роли местных элементов в истории развития греческих колоний района (Готье 1925: 208). Взаимодействия двух обозначенных элементов виделись Ю.В.Готье весьма далекими от идиллических, очень неравномерными, можно сказать, пульсирующими. Владения властителей Боспора порой простирались очень далеко, знаменуя собой периоды расцвета государства, но в закономерные наступавшие периоды ослабления и упадка «степь освобождалась от преобладания боспорских городов и переходила в наступление, доводила свое варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея» (Готье 1925: 187).

Эта концепция представляется чрезвычайно интересной, историчной, многие ее положения вполне соответствуют уровню современного развития науки. Приходится только сожалеть, что эти идеи не нашли развития в последующие годы и были надолго забыты. Отечественная наука стала перестраиваться на новый марксистский лад, перед ней ставились иные задачи, и в свете этих установок феномен Боспора стал постепенно терять свою яркость. Собственно, слово «перестройка» вообще здесь неуместно — это был настоящий разгром старой школы, начавшийся в 1929 г., который абсолютно заслуженно вошел в нашу историю как «год великого перелома» (Формозов 1995: 43 сл.).

6. Великий перелом

Тенденция к большевистским переменам в археологической науке, разумеется, наметилась раньше. Еще в резолюции, которая была принята на Конференции, посвященной 100-летию Керченского музея, говорилось о необходимости разработки «единого производственного плана» в изучении древних культур Крыма, а также указывалось на важность самого тесного сотрудничества археологов с соседними дисциплинами, «особенно с яфетическим языкознанием» (Мацулевич 1926: 285). Яфетическая теория Н.Я.Марра стала на долгое время фундаментом советской исторической науки, орудием революционного переворота в археологии, подобного социальному перевороту 1917 г. (Марр 1933: 246), даже «орудием классовой борьбы» (Марр 1933: 277).

Яфетическая теория или «новое учение о языке», как известно, требовало изучать стадии развития общества с революционными переходами от одной стадии, низшей, к другой, высшей, с происходящими в связи с этим изменениями во всей культуре. Миграциям, по понятным причинам, этот стадийный подход не уделяет почти никакого внимания. Концепции М.И.Ростовцева и Ю.В.Готье в связи с этим признают реакционными (Равдоникас 1930: 33, 52, 82; Худяков 1933: 96). Вскоре даже в вузовских учебниках взгляды М.И.Ростовцева стали называть не иначе как фашистскими (см. История древнего мира 1936: 256), страшная критика обрушилась на головы многих ученых (в том числе и Ю.В.Готье), которые, как представлялось наиболее рьяным их противникам, «выступают как идеологи интервенции против СССР» (Куршанак 1931: 118). По выражению М.Г.Худякова, миграционная теория подводит «научную» базу под практику колониальных захватов, «таким образом археология содействует укреплению классовых позиций капитализма» (Худяков 1933: 98). Вполне понятно, что археологи-антиковеды и скифологи, вынужденные следовать таким теоретическим установкам, в своей практической работе столкнулись с огромными трудностями. Как можно было трактовать, к примеру, греческую колонизацию, чтобы не стать пособником классового врага или попросту вредителем, к поискам которых в ученой среде призывала даже редакционная статья «Советской археологии» (СА 1937, № 3)?

Теоретические установки новых идеологов, как известно, самым трагическим образом отразились на многих, слишком многих человеческих судьбах. Очень много для понимания политической истории Боспора Киммерийского сделал академик С.А.Жебелев, один из немногих оставшихся в живых представителей старой школы. В начале 1930-х гг., то есть в тяжелейшее время откровенного насаждения марксизма в советской науке, С.А.Жебелев вынуж-

ден был засвидетельствовать свою лояльность коммунистической власти и публично отречься от старых друзей, прежде всего от М.И.Ростовцева. В 1933 г. была опубликована статья, в которой он согласился с идеей Н.Я.Марра о том, что Ольвия возникла на месте скифского поселения, называвшегося просто «Ольба», то есть «поселение» (Жебелев 1933). В том же году вышла в свет его статья «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», в которой восстание Савмака (107 г. до н.э.) трактовалось как проявление классовой борьбы в древнем мире (Жебелев 1933а). Эта статья затем несколько раз переиздавалась (Жебелев 1938; 1953: 82 сл.), а идея о первом известном факте классовой борьбы на территории нашего государства, о восстании рабов под руководством Савмака, стала на долгое время господствующей, можно сказать, классической для советской науки, войдя даже в школьные учебники. Однако вряд ли за это можно осуждать выдающегося отечественного антиковеда, который глубоко переживал свое вынужденное отречение, признавая этот факт биографии одним из самых мрачных моментов жизни (Жебелев 1993: 177).

В трудах самого создателя «нового учения о языке» феномен греческой колонизации приобрел весьма своеобразную окраску. Городская цивилизация в Северном Причерноморье, по мысли Н.Я.Марра, сложилась в результате движения западных яфетидов, этрусков, с Апеннинского полуострова. Именно они с IX в. до н.э., развивая свою торговлю, основывали многочисленные фактории по всему побережью Черного моря, в первую очередь, — в Ольвии (Марр 1935: 209). В других работах Н.Я.Марр называл наиболее активными строителями городов «кимеров». Греки же в Северном Причерноморье не основывали городов, они являлись на готовые места, устраивались в местных киммерийских городах. Среди таких местных городов обычно называлась Ольвия, но говорилось и о Пантикапее (Марр 1933: 242). Порой даже ставился вопрос о том, что «архаическая эллинская культура есть дело скифских колоний в Греции» (Марр 1926: 41). Понимать это, всего скорей, надо как указание на движение на восток через территорию Греции западных яфетидов, к которым относились и скифы (см. Марр 1934: 27), а если выражаться правильнее, то понять эти экзотические конструкции просто невозможно.

Насаждение яфетической теории означало разрыв со всей предшествующей традицией, но это казалось вполне соответствующим революционному духу эпохи. Научные работы в области изучения древностей Северного Причерноморья теперь стали вестись по путям, указанным Н.Я.Марром (Капошина 1946: 232).

7. Выше знамя советского боспороведения

Теоретиком учения о стадильности в советской археологии, как известно, стал В.И.Равдоникас. Хотя он и признавал, что «суть дела не в голом отрицании миграций», а в социально-хозяйственной подоснове миграционных скрещений (1932: 88, ср. Мещанинов 1928: 227), на практике все его идеи означали полный отказ от «пресловутой теории заимствований и переселений» (Равдоникас 1932: 32). Первой стадией в истории древних племен Северного Причерноморья В.И.Равдоникас признавал «кимерскую», которая с развитием производства, ростом поголовья стад и переходом к кочеванию трансформируется в «скифскую». По его мнению даже борьба скифов с киммерийцами, «героически отраженная в греческих источниках, есть борьба нового, кочевого уклада со старым земледельческо-пастушеским» (1932: 62). Сарматскую эпоху видный советский теоретик не мог оторвать в плане стадильном от скифской; следующую «готскую» стадию он связывал уже с развитием феодализма, отмечая при этом, что «этнического тождества между крымскими готами и западными группами готов феодальной эпохи быть не может» (1932: 92).

Вполне очевидно, что археологи-антиковеды, реализующие на практике эти теоретические положения, оказались в чрезвычайно непростой ситуации. Для того, чтобы избежать страшных обвинений и показать верность идеям нового учения, надо было как-то обосновать его верность, в первую очередь — открыть руины догреческих, киммерийских городов, которые грезилась Н.Я.Марру. Показательно, что именно тогда началось масштабное изучение городов, на необходимость изучения которых ранее указывали М.И.Ростовцев (1993: 28) и Ю.В.Готье (1925: 187). С 1932 г. начала планомерную работу Боспорская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством В.Ф.Гайдукевича, сосредоточившаяся на изучении так называемых «малых» городов Боспора — Мирмекия, Тиритаки, позднее Илурата и Порфмия (Жебелев 1955: 18). В 1939 г. на Нимфее начала систематические раскопки экспедиция Гос. Эрмитажа во главе с М.М.Худяком (1962: 5). Столица Боспора, Пантикапей, стала планомерно изучаться с 1945 г. (Блаватский 1962), вторая столица, Фанагория, — еще раньше, с 1936 г. (Кобылина 1989: 15).

Уже первые раскопки боспорских городов были очень удачными в научном отношении. М.И.Артамонов, оценивая достижения советской археологии, отмечал несомненный интерес открытых производственных комплексов — рыбозасолочных ванн и виноделен, а также подчеркивал особую важность впервые полученных материалов, свидетельствующих о

роли туземного населения в жизни греческих колоний Причерноморья в разное время их существования» (Артамонов 1939: 127). Нет сомнения, что при проведении этих раскопок огромное внимание уделялось догреческим материалам, которые на самом деле в большем или меньшем количестве открывались при исследовании почти всех крупных поселений. Однако, несмотря на все старания, обнаружить киммерийские города на берегах Черного моря не удалось. В Ольвии, правда, С.И.Капошина с большим энтузиазмом попыталась реализовать идею Н.Я.Марра (Капошина 1933), на Боспоре же, кроме робкой попытки найти киммерийский Пантикапей (Блаватский 1948), дело дальше не пошло. Конечно, догреческие культурные напластования открывались и тщательно фиксировались археологами, наиболее показательные находки, относящиеся к бронзовому веку, публиковались (см., например: Блаватский 1952: 45-46; Гайдукевич 1952: 20-23), но они никак не свидетельствовали о том, что греки поселились в местных городах. Эти находки, разумеется, позволяли предполагать, что греческие колонии выводились на места небольших варварских поселений (деревень), о чем к тому же могут свидетельствовать и негреческие названия некоторых греческих городов (Тиритака, Корокондама и др.). Но о городской цивилизации Северного Причерноморья, предшествовавшей появлению здесь греков, говорить явно не приходилось и не приходится до сих пор.

Единственно верная марксистская яфетическая теория никак не согласовывалась с археологическими реалиями. Социальный заказ требовал ее подтверждений, и археологи, вероятно, могли бы, выдавая желаемое за действительное, говорить о киммерийском этапе на Боспоре и в других районах греческой колонизации Северного Причерноморья, этапе, который в значительной степени определил все дальнейшее развитие античных государств в регионе. В определенном смысле так поступил В.Д.Блаватский, предполагавший, что на Боспоре находились киммерийские города и укрепления, возводились циклопические стены (прежде всего крепиды Золотого кургана) и, может быть, «даже каменные жилища» (1948: 17). В отношении Пантикапея он отмечал, что здесь существовало «не только предшествующее ему киммерийское урочище, но и укрепленное убежище, в силу чего между ним и позднейшим греческим городом была известная преемственность» (Блаватский 1948: 16). Киммерийские традиции, таким образом, долго сохранялись в Пантикапее и других боспорских городах, само Боспорское государство, по его мнению, сложилось как объединение греков и потомков древнейших обитателей этого района,

т.е. киммерийцев, которые когда-то владели обоими берегами пролива (Блаватский 1948: 17-18).

Однако был и иной выход: не спорить с данными археологии и, признавая верность яфетической теории, бороться с идеями М.И.Ростовцева о существовании киммерийской державы на Боспоре и пр. Они в чем-то перекликались со взглядами Н.Я.Марра, но, конечно, не были марксистскими. На таком фоне даже предложение Б.Н.Гракова создать взамен книги М.И.Ростовцева «Скифия и Боспор» новую, которая бы базировалась на всей совокупности источников, с привлечением полученных в последние годы археологических материалов и новым толкованием античных авторов (см. Федоров 1949: 261), можно понять двояко. И чего здесь больше, естественных потребностей развития науки или откровенной идеологии, — сразу сказать чрезвычайно затруднительно.

Очень удачно этот метод критики, на мой взгляд, был использован А.А.Иессеном в его труде «Греческая колонизация Северного Причерноморья». Автор в ней выдвинул идею о двусторонней колонизации региона, ход которой определялся двумя факторами — стремлением греков наладить торговлю с местными племенами и готовностью последних к торговым контактам, их достаточной социально-экономической развитостью для этого. При этом А.А.Иессен резко выступил против концепции М.И.Ростовцева о существовании киммерийской «державы» на Боспоре Киммерийском (Иессен 1947: 64 сл.). Любопытно, что никто ему критику М.И.Ростовцева (Н.Я.Марра) не поставил в вину, он был обвинен совсем в другом, а именно в том, что недостаточно вскрыл «эксплуаторскую роль греческих колонизаторов» (см. Киселев, Надэль 1948: 120; Федоров 1949: 261). Археология в то время могла выжить лишь при использовании марристовской терминологии, осуждению М.И.Ростовцева и других видных предшественников. Только таким образом советские археологи могли продолжать жить и трудиться, сосредоточившись на этом этапе на исследовании древнегреческих городов и некрополей, изучении культуры рядового населения древнегреческих государств, влиянии на нее местных элементов.

Изучение боспорских городов, конечно, составило целую эпоху в боспороведении, однако установка на изучение главным образом культуры рядовых тружеников, сама по себе безусловно верная и необходимая, вела к тому, что в трудах археологов этого этапа феномен Боспора начал, так сказать, все более тускнеть. А.А.Иессен указывал на культурную отсталость Керченско-Таманского района в предколониационный период и вплоть до V в. до н.э. (Иессен 1947: 67, 85), и это мнение нашло поддержку (Киселев, Надэль 1948: 120). В.Ф.Гайдукевич и С.И.Капошина полагали, что импорт Бос-

пора в Северном Причерноморье начинает играть важную роль лишь с конца V в. до н.э. (Гайдукевич, Капошина 1951: 169). В общем, надо признать, что без адекватного понимания положения Боспора Киммерийского в системе греко-варварских связей Северного Причерноморья на различных этапах его развития, без изучения исторических судеб местных апойки при изменении этно-политической ситуации (ситуаций) в регионе, без самого пристального внимания к культуре элиты и т.п. о боспорском феномене вообще вряд ли возможно говорить.

М.И.Артамонов, правда, большое внимание уделял изучению боспорских курганов, указав на топографическую связь курганных некрополей со степью и со степной культурной традицией. Под греческим колоритом здесь легко вскрывается местная основа, которая в небольшой степени определялась тем, что в результате перекрестных браков сложилась новая этническая группа «полускифов-полугреков», т.е. боспорян (Артамонов 1949: 32). Но термин «скифы» исследователь употреблял условно, считая, что местное население Боспора было ближе к племенам Кубани, нежели степного Крыма или нижнего Днепра. Поэтому и Боспорское государство, прошедшее этап тирании Археанактидов и приход к власти Спартокидов, М.И.Артамонов именовал греко-меотским. Спартокиды, по его мнению, являлись выходцами из меотских племен (1949: 36-37), а меоты — остатками Киммерийского союза, если не самими киммерийцами (1949: 34).

Д.Б.Шелов сделал очень многое для изучения боспорского монетного дела, но при этом он не упускал возможности отметить, что культура Боспора была синкретична во всех своих проявлениях (Шелов 1950: 62). Иными словами, в ней органично слились греческие нововнесения с культурными традициями местного населения.

Иной точки зрения придерживался Д.П.Каллистов, который видел своеобразие Боспорского государства в том, что оно опередило в своем развитии эллинистические монархии более чем на столетие и на много столетий их пережило (Каллистов 1949: 155; 1952: 102). По его мнению, государство на берегах Керченского пролива начало развиваться из симмахии под гегемонией наследственных архонтов-Археанактидов, вполне сложившись в IV в. до н.э., когда при Спартокидах сформировалась его характерная двойная структура, включавшая греческие города и местные племена (Каллистов 1949: 186-189). Греческое влияние, однако, не смогло растворить исторической самобытности варварского мира, органичного слияния двух составляющих здесь не было и не могло быть (Каллистов 1949: 80, 236). Борьбу греческого и варварского начал в Боспорском государстве, которая порой принимала весьма острые формы, Д.П.Каллистов попытался проследить на

протяжении всей его истории.

В своих многочисленных работах В.Д.Блаватский выражал феномен Боспора, активно используя идеи предшественников, но почти не ссылаясь на них. Его эмпириальная теория колонизации восходит к трудам Э.Р.Штерна и Э.Миннса, а гипотеза о протоэллинизме на Боспоре — к разработкам М.И.Ростовцева, Ю.В.Готье, Д.П.Каллистова и др. Как известно, В.Д.Блаватский, развивая идею торговой колонизации, предложил обязательную трехчленную схему процесса освоения греками северного берега Понта: от случайных заходов греческих купцов, через создание временных, затем постоянных факторий-эмпориев (отсюда происходит название этой концепции), чаще всего на поселениях туземцев, к выведению апойкии (Блаватский 1954). Своеобразие исторического пути Боспорского государства он видел в объединении в его структуре греческих городов с местными племенами (Блаватский 1954: 35). Исследователь вполне справедливо указывал, что необходимо с возможной точностью относиться к местным племенным группам — скифам, меотам, савроматам и пр., не нивелировать их под одним общим термином «скифы». На первый план при этом В.Д.Блаватский выделял связи с синдами и меотами, что созвучно взглядам М.И.Артамонова; аналогичным образом он и Спартока I выводил из синдо-меотской знати (Блаватский 1950: 33). Государство, которое сложилось при Левконе I, В.Д.Блаватский именовал греко-синдо-меотским (1959: 15, 39; 1964: 59), сначала называя его структуру близкой эллинистическим монархиям (Блаватский 1959: 39), а затем просто протоэллинистической (Блаватский 1964: 59; 1985: 109 сл., 123 сл.).

Другой крупнейший советский антиковед, В.Ф.Гайдукевич, во многом являясь оппонентом В.Д.Блаватского, в понимании своеобразия Боспора Киммерийского, по существу, был с ним солидарен. Иного в то время, очевидно, представить было просто невозможно. Очень близки взгляды этих ученых на проблему греческой колонизации района. В.Ф.Гайдукевич тоже был сторонником концепции так называемой торговой колонизации; он полагал, что развитие колонизационного процесса шло от торгово-пиратских экспедиций греков к выведению торговых станций-эмпориев, куда затем переселились значительные группы выходцев из Древней Греции, что и привело к созданию колоний (Гайдукевич 1949: 11). Благодаря безусловному авторитету двух виднейших ученых представление о трехчленной схеме освоения греками Северного Причерноморья стало почти абсолютно господствовать в советской науке.

Основное отличие Боспора от Ольвии и Херсонеса В.Ф.Гайдукевич усматривал в том, что этот центр «включал в свой состав не один по-

лис, а несколько, причем владения его в периоды процветания государства составляли обширную территорию» (Гайдукевич 1955: 95). Он отмечал, что боспорскую тиранию и в древности, и в современной науке сопоставляли с тиранией Гиерона в Сицилии и Кипселидов в Коринфе, но, тем не менее, «в Греции тирании были обычно кратковременным явлением, охватывающим два-три поколения. Спартокиды же правили в течение нескольких столетий, передавая власть по наследству» (1955: 114). В соответствии с очень распространенной точкой зрения (см. Васильев 1977), основателя этой династии В.Ф.Гайдукевич считал выходцем из Фракии, возможно, даже предводителем отряда фракийских наемников (1949: 46). За такое, казалось бы, безобидное заявление он был подвергнут беспощадной критике В.Д.Блаватским, который в стиле того времени писал, что это положение никак не может быть принято, поскольку тогда придется признать, что «Боспор постоянно управлялся чужеземной династией» (Блаватский 1949: 155). Напомню, что сам он считал Спартока выходцем из синдо-меотской среды. Не удивительно, что В.Д.Блаватскому не понравилось и наименование Боспора греко-скифским государством (Гайдукевич 1949: 70). По его мнению, В.Ф.Гайдукевич здесь просто подменил скифами синдов и меотов (Блаватский 1949: 157).

Соглашаясь с правомерностью сопоставления Боспора с эллинистическими монархиями, В.Ф.Гайдукевич указывал на его глубокое своеобразие. Это своеобразие, в частности, проявляется в том, что Боспорское государство существовало 800 лет, тогда как эллинистические государства были относительно недолговечными. «Стало быть, задача состоит скорее не в том, чтобы подгонять Боспор под рубрику “эллинистических государств”, а в том, чтобы выявить в полной мере специфику Боспора как государства греко-туземного, сформировавшегося в результате особых условий, в каких оказались греческие колонии на Боспоре Киммерийском еще в VI в. до н.э.» (Гайдукевич 1955: 114, прим.1).

В отношении развития культуры Боспора В.Ф.Гайдукевич совместно с С.И.Капошиной писал, что самобытная культура местного населения не была ни поглощена, ни вытеснена греческой цивилизацией (Гайдукевич, Капошина 1951: 169). Он, подобно многим исследователям, считал, что процесс культурного взаимодействия греческого и местного населения составил одну из характернейших особенностей развития Боспора. Именно этот процесс взаимодействий, по мысли автора, определил своеобразие культуры Боспора Киммерийского (Гайдукевич 1952: 24).

Надо признать, что теория стадильности в той крайней форме, которая развивалась В.И.-Равдоникасом, в работах советских боспоро-

ведов почти не находила своей реализации: они были больше сосредоточены на практической работе, нежели на борьбе за чистоту марксистских идей. Не удивительно поэтому, что в 1950 г., после публикации статьи И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», когда она, так сказать, была разоблачена и отменена официально, перестройка античной археологии не была сколь-либо болезненной. Сразу же было безусловно признано, что Н.Я.Мартенс никогда не был основоположником советской археологии (Монгайт 1950: 206), что он внес путаницу в представления о греческой колонизации, — греки переселялись не в варварские города, но на места издавна обжитые (Гайдукевич, Капошина 1951: 166) и т.д. Некоторое время пришлось особо указывать, что древнегреческие колонии имели коренное различие с колониями эпохи капитализма (Гайдукевич 1955: 26; Сокольский, Шелов 1959: 49-50; Онайко 1959: 300), но это имело смысл совсем недолго.

С официальных трибун археологов, однако, по-прежнему призывали особое внимание уделить изучению культурно-исторического раз-

вития местного населения. Так, директор Керченского музея Ф.Т.Гусаров заявил, что в свете указаний тов. Сталина следует, «что настоящими, подлинными создателями истории являлись не те, кто, поселившись на чужих землях, составлял абсолютное меньшинство, не эксплуататоры и завоеватели, а коренное население, племя или ряд племен и народностей, населявших ту или иную территорию» (Гусаров 1952: 15). Эту тираду вполне можно было бы назвать марристской, почти несовместимой с адекватным изучением греческой колонизации региона. Но перестройка в археологической науке, несмотря на некоторые рецидивы прошлого, все-таки происходила, и ее последствия имели большое значение для развития к современному состоянию знания о древности. Одним из важных результатов прошедшего этапа развития советской античной археологии стала боязнь широких обобщений, сколько-нибудь оригинальных теоретических трактовок и т.п., эта боязнь, как наследие того сложнейшего и трагического времени дает о себе знать до сих пор.

8. Еще выше знамя советского боспороведения

В мае 1956 г., уже после смерти И.В.Сталина, состоялась Конференция, посвященная процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья, на которой выступили все крупнейшие ученые страны и которая в известной степени должна была определить задачи советской археологической науки об античности в новых условиях (Онайко 1959). На ней В.Д.Блаватский выступил с докладом «Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье», а Н.И.Сокольский и Д.Б.Шелов — с не менее фундаментальным докладом «Историческая роль античных государств Северного Причерноморья». Каких-либо новых идей, которые бы контрастировали с тем, что эти авторы писали в предшествующие времена, здесь нет. В отношении первого доклада можно указать, что в нем содержалась периодизация истории северопричерноморских государств, но акцент в ней был уж слишком смещен на Боспор (Блаватский 1959: 38-39). Авторы второго доклада выступили против идеи Д.П.Каллистова о том, что Боспор не смог растворить в себе исторической самобытности вошедших в его состав варварских племен, о противостоянии и борьбе греческого и варварского миров на северном берегу Понта. По их мнению, в Северном Причерноморье никакого противостояния культур не было, здесь был создан оригинальный вариант античной культуры, в которой синтез варварских и эллинических элементов был не механическим, а творческим (Сокольский, Шелов 1959: 62). Что касается греко-варварских связей, то ведущее место в них отводилось Боспо-

ру лишь для IV-III вв. до н.э. (Сокольский, Шелов 1959: 56).

Гораздо важнее всех этих рассуждений представляется то, что на Конференции впервые громко прозвучал доклад об изучении сельских поселений Боспора Киммерийского (Кругликова 1959). В научный оборот стал вовлекаться, по существу, последний крупный пласт археологических памятников (кроме курганных и грунтовых некрополей, с раскопок которых началось изучение Боспора, и крупных городищ, принципиальным сдвигом в исследовании которых было ознаменовано послереволюционное время). Сельские поселения, чутко реагирующие на изменения военно-политической ситуации в районе, — возникающие в больших количествах в мирной ситуации и в первую очередь страдающие при вторжениях неприятеля, — обещали дать принципиально новую информацию о культурно-историческом и экономическом развитии Боспора. К тому же совсем нетрудно предположить, что роль местного населения, его процентное отношение к греческому, в деревнях было большим, чем в городах. Изучение этих памятников должно было еще более высветить боспорское своеобразие, что, в общем, и произошло, но отнюдь не сразу и, надо признать, не однозначно (см. Кругликова 1975; Масленников 1998).

На рассматриваемом этапе уже четко определились три основные направления изучения связей Боспора с местными племенами. Прежде всего, это вычленение местных элементов в культуре, затем в составе населения античных центров и, наконец, исследование роли варва-

ров в истории Боспора Киммерийского.

Именно в советское время важным объектом научного анализа стал такой массовый материал, как лепная керамика. Посуда, изготовленная без использования гончарного круга в традициях местных варварских племен, занимает существенное место среди находок, происходящих из боспорских городов и еще в большей степени из сельских поселений. Видная роль в ее изучении принадлежит Е.Г.Кастанаян, которая справедливо отмечала, что изучение этой керамики, наряду с прочим, необходимо для «выяснения степени варваризации культуры античных городов Боспора и вместе с тем наличия среди их населения определенных негреческих этнических групп в различное время» (Кастанаян 1981: 4). Работы Е.Г.Кастанаян посвящены изучению лепной посуды так называемых малых городов Боспора (Мирмекия, Тиритаки, Илурата). Материалы Пантикапея и Фанагории были исследованы И.Т.Кругликовой (1951; 1954), Нимфея — В.М.Скудной и Э.В.Яковенко (Скуднова 1954; Яковенко 1978).

О проникновении в состав населения боспорских городов выходцев из местных племен могут свидетельствовать также материалы грунтовых некрополей. Черты варварской погребальной обрядности, проявляющиеся здесь, были специально исследованы Е.Г.Кастанаян (1959). По ее мнению, местные особенности наиболее рельефно выступают в грунтовых некрополях азиатской части Боспора (Кастанаян 1959: 293). В этом отношении большое значение имеет изучение некрополей Тузлы (Сорокина 1957), Тирамбы (Коровина 1981; 1987) и других могильников Синдики (Коровина 1964).

В последние годы в связи с открытием в Восточном Крыму довольно многочисленных погребений в каменных ящиках (см. Масленников 1995), группирующихся в основном на азовском побережье, встал вопрос об их этнической принадлежности. В этом отношении были высказаны самые разнообразные точки зрения: погребения связывались со скифами (Яковенко 1970: 134; 1981: 253; Крис 1971: 156), таврами (Лесков 1961; Кругликова 1973: 162) и, наконец, с синдами (Масленников 1981: 26 сл.). Разнообразие мнений говорит о сложности и одновременно о важности этих памятников для понимания особенностей культурно-исторического развития данного района Боспора. Любопытно, что погребения в каменных ящиках расположены в основном на северном побережье Керченского полуострова, практически отсутствуя на его внутренней территории, равным образом любопытно и то, что среди них встречаются памятники достаточно ранние (VI в. до н.э.). В настоящее время скифская атрибуция каменных ящиков Восточного Крыма не находит особой поддержки, большинство исследователей склоняется к мысли, что они представ-

ляют остатки местной доскифской культуры, этническая атрибуция которой недостаточно ясна (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 10, 101; ср. Масленников 1995: 61 сл.).

По-прежнему внимание ученых привлекают погребения варварской знати, расположенные вблизи от боспорских городов. Дж.Бордман не без основания писал, что научный интерес к городам Боспора Киммерийского в небольшой степени объясняется близостью к ним богатейших скифских курганов (Boardman 1964: 263). Среди погребений местной знати лишь немногие были раскопаны в сравнительно недавнее время. В их числе — Трехбратние курганы (Кирилин 1968) и курган у с.Ильичево на Керченском полуострове (Лесков 1968), а также комплекс у с.Уташ под Анапой (Алексеева 1991: 30 сл.). Подавляющее число таких памятников, как известно, было раскопано в XIX в., часто на очень низком методическом уровне, что создает немалые трудности при их изучении. Однако детальная проработка архивных материалов и имеющихся музейных коллекций, как правило, приводит к хорошим результатам. Так, Л.Ф.Силантьева исследовала Нимфейские курганы (1959: 51 сл.), Э.В.Яковенко — комплексы Темир-Горы (1972; 1976) и курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1862 г. (Яковенко 1970а). Некрополь синдской знати, Семибратние курганы, был изучен А.К.Коровиной (1957), эта разработка содержит немало важных наблюдений, но предложенная ею хронологическая схема уже нуждается в уточнении (см. Силантьева 1967). Были специально проанализированы также материалы архаического погребения у Цукурского лимана на Тамани (Вахтина 1993), богатого погребения, открытого на Ак-Буруне в 1875 г. (Виноградов Ю.А. 1993а), и комплекс находок, обнаруженных в кургане у д.Мерджаны около Анапы (Виноградов Ю.А. 1998).

Накопление новых археологических данных, осмысление материалов, полученных ранее, позволяют все в более полном объеме осознать своеобразие этнического состава населения Боспора, оценить его туземный компонент. Эти вопросы получили освещение в трудах В.Д.Блаватского, Г.А.Цветаевой, Н.Л.Грач и др. (Блаватский 1958; Цветаева 1951; 1957; Грач 1981). Положение варварских племен в структуре государства по имеющимся материалам изучала Н.К.Сопова (1975), но ее выводы в настоящее время уже сильно устарели. Своего рода итогом разработок советских ученых в обозначенной области являются работы А.А.Масленникова «Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э.» (1981) и «Население Боспорского государства в первых веках н.э.» (1990).

История культов и религиозных представлений греко-варварского населения успешно исследуется И.Ю.Шаубом (Шауб 1987; 1998;

1999). Наряду с другими памятниками своеобразие греко-варварского религиозного синкретизма, пожалуй, следует особо отметить еще плохо изученные боспорские зольники, прежде всего — зольник Мирмекия (см. Денисова 1981: 110; Виноградов Ю.А 1981; 1993: 110-113; Шауб 1999: 213).

Вполне очевидно, что в плане затронутых вопросов огромное значение имеет всестороннее изучение искусства Боспора Киммерийского. Отдельные, пусть весьма интересные, работы по этой проблеме отнюдь не исчерпывают всей ее сложности. Среди последних выделяются исследования так называемой синдомеотской скульптуры (Кобылина 1951: 180 сл.; Сокольский 1967). Очень слабо изучена знаменитая боспорская торевтика (см. Калашник 1995). Из немногих специальных исследований можно отметить работы, посвященные изучению предметов торевтики, найденных в Куль-Обе (Артамонов 1968; Раевский 1970; Онайко 1979; Грач 1984; 1986; 1994; Королькова, Алексеев 1994). Золотые украшения, обнаруженные в кургане у с.Баксы, были введены в научный оборот В.И.Пругло (1963). Э.В.Яковенко на примере находок звериного стиля из крымских комплексов удалось проследить трансформацию скифского искусства VII-V вв. до н.э. Изменения, происходящие в этой сфере начиная с конца VI в. до н.э., связывались исследовательницей с массовым изготовлением украшений звериного стиля в городах Боспора (Яковенко. 1976а). В производстве боспорской торевтики, по мнению Н.А.Онайко, наряду с греками принимали участие и выходцы из местной среды, на что могут указывать некоторые специфические местные технические приемы (Онайко 1974).

В 50-х годах остро дискуссионным стал вопрос о генезисе склепов с уступчатым перекрытием, широко распространенных на Боспоре в IV в. до н.э. Первой вышла статья, в которой тип уступчатого склепа возводился к древней эгейской архитектурной традиции, проникающей на Боспор через Фракию в связи с общим усилением фракийских влияний при ранних Спартокидах (Кауфман 1947). Иной точки зрения придерживался В.Д.Блаватский. Вполне обоснованно утверждая, что местное население Приднепровья, Подонья и Крыма располагало многообразием архитектурных типов и строительных приемов, он заключил, что тип боспорских уступчатых склепов восходит к деревянным погребальным сооружениям варварских племен Северного Причерноморья (Блаватский 1955). Против этого вывода резко возражал В.Ф.Гайдукевич (1981: 50 сл.). Он справедливо указывал, что с формально-типологической стороны между каменными уступчатыми сводами Боспора и деревянными срубными варварских территорий нет ничего общего, поэтому усматривать здесь какую-то взаимосвязь невозможно. В общем, гипотеза В.Д.Блаватского не нашла

последователей и сейчас имеет только историографический интерес (см. Савостина 1984; 1986). Г.Р.Цецхладзе вообще считает, что боспорские уступчатые склепы, так же как фракийские и скифские царские гробницы, строились ионийцами, которые приспособляли известные им типы построек к вкусам местных элит (Tsetskhladze 1998: 56).

Обращаясь к вопросам исторических интерпретаций, связанных с той или иной оценкой влияния местных племен на процессы, которые происходили на Боспоре, необходимо признать, что они постоянно находились в сфере самого пристального научного внимания. При этом влияние туземного населения прослеживается с самого момента выведения эллинских колоний на северный берег Понта. Как уже говорилось, в советской науке длительное время господствовала так называемая гипотеза торговой колонизации (Книпович 1935; Гайдукевич 1949: 11 сл.; 1955: 25; Каллистов 1949: 10 сл.). Поскольку торговля всегда является процессом двусторонним — кто-то продает, а кто-то покупает, — А.А.Иессен заключил, что и греческую колонизацию Северного Причерноморья следует рассматривать как двусторонний процесс (1947: 7, 89). Роль местного населения при таком подходе автоматически признавалась очень высокой. В.Д.Блаватский предложил схему обязательного трехчленного развития колонизационного процесса в Северном Причерноморье: от случайных заходов греческих купцов, через создание временных, затем постоянных факторий-эмпориев чаще всего на туземных поселениях к выведению колоний (Блаватский 1954).

Эта эмпориальная гипотеза колонизации, в основном базировавшаяся на боспорских материалах, казалось бы, находит немало подтверждений: негреческие названия некоторых эллинских поселений, наличие в ранних слоях всех подвергавшихся раскопкам памятников находок, которые можно связывать с культурой местного населения, прежде всего лепной керамики и пр. Большое значение в связи с этим имеют также находки ранних античных импортов на территориях хинтерланда, число которых, правда, очень невелико, но, как представлялось, оно может быть увеличено при проведении систематических археологических исследований. Эта внешне стройная и логичная гипотеза нашла немало сторонников. Даже после весьма острой критики, которой она была подвергнута в последние годы, А.А.Масленников считает, что концепция В.Д.Блаватского «верна в общеисторическом плане» (Масленников 1981: 38).

Однако ее правомочность все-таки вызывает очень большие сомнения. Так, находки, связанные с культурой местных племен, происходящие из ранних слоев греческих городов, могут свидетельствовать не о существовании

эмпория, а о вхождении в состав населения апойкий с момента их основания выходцев из туземной среды. Наконец, и самое главное, — археологические материалы не позволяют говорить о сколь-нибудь значительном античном импорте на варварских территориях Северного Причерноморья приблизительно до середины VI в. до н.э. (Онайко 1966: 37 сл.; Вахтина 1984: 13). То есть в этом отношении гипотеза, по существу, лишена фактологической базы, и позиции ее противников не представляются весьма прочными (см. Доманский 1965; 1970; Лапин 1966; Брашинский, Щеглов 1979: 34 сл.).

С другой стороны, следует с полной определенностью признать, что такая позиция таит в себе возможность отрицания вообще какого-либо туземного влияния на характер освоения эллинами территорий северного берега Черного моря. К подобной, на мой взгляд, ошибочной точке зрения склоняется американский исследователь Т.С.Нунен. Отметив отсутствие ранних античных импортов в ближайших окрестностях Пантикапея, он заключил, что греки здесь были заинтересованы в освоении сельскохозяйственных территорий и не стремились к торговым связям с туземцами (Noonen 1973: 81). Очевидно, что Т.С.Нунен весьма далек от понимания, так сказать, демографического фактора греческой колонизации. Во всяком случае, своеобразие связей колонистов с номадами, их отличие от связей с земледельцами на страницах его исследования не нашло никакого отражения. По этой причине приходится признать, что эмпориальная теория, содержащая явно преувеличенное представление о влиянии местного населения на ход греческой колонизации, в конечном итоге через ее отрицание привела к другой крайности — их практически полному игнорированию. Не удивительно, что на этом фоне своеобразие Боспора уже не кажется вполне очевидным. В.В.Лапин, к примеру, вообще отрицал какое-либо влияние местных племен на развитие колониационного процесса в районе Керченского пролива, поскольку для Боспора, как и для Ольвии, нет сколько-нибудь надежных памятников, непосредственно предшествующих выведению апойкий, а негреческая топонимика может быть связана с творчеством самих греков (Лапин 1966: 47). Он, впрочем, признавал своеобразие политической системы Боспорского государства, но при этом отмечал, что и для нее в качестве исходной государственной формы «естественнее допускать нечто вроде раннегреческой тирании с последующим закреплением наследственной власти архонта» (Лапин 1966: 237).

В последние годы заметно возрос научный интерес к проблеме образования Боспорского государства. В отношении объединения Археанактидов (480 г. до н.э.) возобладали точка зрения, что оно явилось своего рода реакцией бос-

порских греков на усиление агрессивности скифов (Виноградов Ю.Г. 1983; Vinogradov 1980). При этом союзниками эллинов в отражении скифской агрессии, по всей видимости, выступили синды (Толстикова 1984; Шелов-Коведяев 1985: 77). Есть основания полагать, что синдам в боспорской истории при Археанактидах и ранних Спартокидах принадлежала очень важная роль. В известном смысле можно говорить о тесном переплетении исторических судеб Боспора и Синдики.

Процесс взаимодействия Боспорского государства с сарматами, особенности инфильтрации на Боспор новых этнических групп, своеобразие такого культурно-исторического явления, как сарматизация Боспора, были темой специальных исследований Ю.М.Десятчикова. Он, в частности, полагал, что проникновение сарматских элементов заметно проявляется в азиатской части государства с конца IV в. до н.э. в связи с продвижением племен прохоровской культуры (Десятчиков 1973: 72 сл.; 1974: 5 сл.).

Завершая краткий обзор литературы, вышедшей за последние 50 лет, необходимо констатировать, что в плане изучения взаимоотношений Боспора с варварским миром в это время сделано немало, спектр исследований чрезвычайно расширился и, в общем, получены неплохие результаты. Однако и сейчас, повторяя слова, сказанные В.Ф.Гайдукевичем и С.И.Капошиной полвека назад, можно признать, что «сделанное далеко еще не исчерпывает всей проблемы» (Гайдукевич, Капошина 1951: 164). Известны, однако, и более резкие оценки. Так, А.А.Формозов считает, что антиковедение, столь сильное в старой России, в последние годы пришло в упадок (1995: 97). Можно не соглашаться с этим мнением, осуждать автора за слишком сильное сгущение мрачных красок, но все-таки следует признать, что оно в определенной мере справедливо.

Уже отмечалось, что в трудах современных исследователей феномен Боспора, если и не исчез полностью, то во всяком случае сильно потускнел. Такой важный его аспект, как влияние местных племен на характер исторического развития Боспора, часто сводится лишь к вопросу, какие племена (скифские или синдо-меотские) играли здесь важную роль. Нет сомнения, что он имеет очень большое значение, и от правильного ответа на него зависит чрезвычайно многое. Смущает лишь излишняя категоричность в постановке вопроса — ведь исторический процесс всегда является результатом сложения самых разнообразных, часто противоречивых сил и тенденций, поэтому трудно ожидать, чтобы на протяжении столетий не происходило никаких изменений в политических и экономических устремлениях любого государства или народа. И принципиальные сторонники концепции о синдо-меотском преоб-

ладании на Боспоре (Артамонов 1974: 120 сл.; Блаватский 1959: 15, 18, 37; Масленников 1981: 12), и последователи традиционной скифской гипотезы (Жебелев 1953: 117 сл.; Гайдукевич 1949: 5, 70 сл.; 1959; Яковенко 1985) недооценивают, на мой взгляд, этого исторического динамизма. Гораздо более перспективным в этом отношении представляется подход Т.В.Блаватской, которая в истории Боспора выделяет периоды синдского, скифского и сарматского преобладания (Блаватская 1959: 97 сл., 111, 131).

Существенным, можно сказать, традиционным недостатком отечественного антиковедения является постоянно ощущаемое стремление использовать археологические данные как сугубо иллюстративный или, в лучшем случае, дополнительный материал к сведениям, известным из письменной традиции (Генинг 1982: 65). Так, А.В.Васильев, исследуя историческую ситуацию V-IV вв. до н.э. на Боспоре, признает за данными археологии лишь косвенное значение (Васильев 1985: 5). Недооценка информативных возможностей «молчаливой археологии» в значительной степени снижает надежность его выводов, как, впрочем, и выводов некоторых других исследователей.

Столь же традиционным в антиковедческой литературе можно признать невнимание к теоретическим и этнографическим разработкам. В частности, здесь не утвердилось даже понятие культурно-хозяйственного типа, одно из важнейших в современной этнографии (Левин, Чебоксаров 1955; Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 177 сл.). Как уже отмечалось, не всегда в должной степени оценивается своеобразие связей эллинов-колониютов с земледельческими племенами, с одной стороны, и кочевыми, с другой. Между тем, в данном отношении в этнографической науке накоплен немалый опыт, а изучение кочевничества считается одним из лучших достижений отечественной этнографии (Златкин 1971; Бромлей 1981: 132 сл.).

В обобщающих работах, трактующих закономерности взаимодействия античной культуры с культурами местного населения Северного Причерноморья, даются, в основном, чисто эволюционные схемы. В свое время В.Ф.Гайдукевич и С.И.Капошина в отношении Боспора писали: «Самобытная культура основной массы населения Боспора не была ни поглощена, ни вытеснена греческой цивилизацией. В определенном соединении с элементами последней местная культура продолжала жить и развиваться, усиливаясь постепенно до такой степени, что в первые века нашей эры она уже определяла основной колорит культурного облика даже столичных центров Боспорского

царства» (Гайдукевич, Капошина 1951: 169). Сходную мысль, но несколько в ином ракурсе развивал В.Д.Блаватский. Изучая взаимодействие двух обществ прежде всего в сфере духовной культуры, он считал, что воздействие, оказываемое на скифов и меотов ввозимыми предметами античного ремесла, не следует слишком преувеличивать. Это воздействие, особенно в ранний период, было сравнительно невелико и ограничивалось в первую очередь узким кругом представителей варварской племенной аристократии, «коренные изменения произошли лишь в первых веках нашей эры» (Блаватский 1964а: 26).

В специальном исследовании Е.С.Голубцовой и Г.А.Кошеленко нашли отражение самые последние к тому времени разработки по вопросам греко-варварских связей в Северном Причерноморье, особенно на этапе колонизации. Однако общая эволюционная схема и здесь осталась без особых изменений, хотя авторы абсолютно справедливо указывали, что историческое развитие региона следует, скорее, оценивать как дискретную серию процессов (Голубцова, Кошеленко 1980: 2). Они верно отметили существенное отличие Боспорского государства от таких северопричерноморских колоний, как Ольвия и Херсонес, а также показали, что в IV-I вв. до н.э. именно Боспор был основным центром иррадиации эллинского культурного влияния, он тогда стал ведущей экономической и политической силой среди других государств региона (Голубцова, Кошеленко 1980: 6).

Более адекватно своеобразие Боспора, на мой взгляд, удалось выразить Ю.В.Андрееву. Он тоже считал, что для Боспорского государства времени правления династии Спартокидов можно выделить совершенно особую модель греко-варварских контактов. «Цари из этого рода сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтничного государства» (Андреев 1996: 14). Исключительное своеобразие боспорской культуры, в которой наиболее отчетливо проявились тенденции греко-варварского синтеза, Ю.В.Андреев объяснял тем, что здесь наиболее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии. Только на Боспоре греко-варварский синтез вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические в своей основе формы государственного устройства, социальных отношений, религии и искусства, только Боспорское царство в какой-то степени приближалось к эллинистическим монархиям Востока (Андреев 1996: 16).

9. Не все пути ведут к храму

К концу XX в., очевидно, в связи с общими переменами в жизни страны и усилившимся плюрализмом мнений, в научной литературе были высказаны и более оригинальные идеи в отношении боспорского феномена. Любопытный поворот во взглядах на уже, казалось бы, устоявшиеся представления о Боспоре как о государстве греко-варварском, греко-скифском или греко-синдо-меотским связан с именем Р.Б.Исмагилова. Он считает, что со времени Спартокидов можно уверенно говорить о создании единого централизованного скифо-греческого Боспорского государства. Изменение обычного порядка в определении своеобразия государства здесь далеко не случайно. Автор признает Боспор типичным примером кочевой империи (Исмагилов 1993: 64).

Этот крутой поворот в понимании Боспорского государства, идущий вразрез со всей предшествующей традицией, вряд ли можно признать удачным. Теоретически, конечно, вполне допустимо искать влияния местной кочевнической среды на какие-то особенности государственной структуры Боспорского царства. Но «кочевая империя» — является понятием слишком специальным, его используют для обозначения обширных государств, возникавших в результате завоевания кочевниками (к примеру, гуннами, хазарами или татаро-монголами) больших территорий, населенных земледельческими народами. В отношении Боспора мы ничего не знаем о его завоевании ни скифами, ни савроматами или т.п., к тому же размеры государства, пусть и самого крупного античного государственного образования на северном берегу Понта, явно не соответствуют масштабам империи. И, наконец, «кочевые империи» не очень долговечны; после грандиозных завоеваний кочевников созданные ими колоссы сравнительно быстро сходили с исторической арены под ударами внешних врагов, а также в результате центробежных тенденций (Марков 1976: 312; Плетнева 1982: 41, 47; Khazanov 1984. P.231 ff., 295). Боспорская монархия, как уже говорилось, оказалась очень жизнестойкой: проходили века, менялись династии, а государство продолжало жить.

По вопросу своеобразия монархической власти боспорских правителей в отечественной науке, как будто, прочно возобладал вывод М.И.Ростовцева, который был высказан им в статье, подоспевшей к празднованию 300-летия дома Романовых. Он отмечал, что «мы имеем слишком мало данных, чтобы выделить в боспорском архонте элементы ионийской городской тирании, эллинистической царской власти и предполагаемые элементы иранской монархии божьей милостью» (Ростовцев 1913: 18). Существенные изменения в это понима-

ние внесены В.П.Яйленко. Известную систему управления Боспорским государством в виде института соправления (см. Васильев 1986) он считает результатом развития «улусного» принципа распределения владений между членами правящего рода у скифов (Яйленко 1990: 286, 291; 1995: 240). На основании изучения эпиграфических документов, полученных в последние годы, этот исследователь пришел к выводу, что уже в IV в. до н.э. на Боспоре был введен культ правящего монарха под эгидой Афродиты (1995: 230). Если это было сделано при Перисаде I, то боспорские правители в этом важнейшем вопросе не подражали диадохам, а были первыми последователями Александра Македонского, но автор даже предполагает, что прижизненный культ монарха был введен еще раньше — при Левконе I (Яйленко 1995: 238). Спартокиды при таком понимании представляются династией царских скифов, прижизненный царский культ которых осуществлялся под эгидой Афродиты Урании Апатуры — иранской Анахиты, подательницы царской власти (фарна) и тем самым покровительницы династии (Яйленко 1995: 253). Заключение В.П.Яйленко, конечно, следует признать очень интересным, представляющим историю становления монархического режима на Боспоре Киммерийском в новом, оригинальном ракурсе. Жаль, что эта концепция базируется на слишком незначительных материалах, остается надеяться, что в дальнейшем она найдет подтверждения в новых эпиграфических находках, пока же уверенности в ее правильности быть не может.

Совсем иное направление политических влияний на Боспор Киммерийский видится Г.А.Кошеленко (1999: 130 сл.). В своих рассуждениях он базируется на хорошо известном свидетельстве Диодора Сицилийского, писавшего, что переход власти от Археанактидов к Спартоку I произошел в Азии (Diod. XII. 31.1). Большинство исследователей указание на привязку события к конкретному району, т.е. к Азии, игнорируют, относя, очевидно, к разряду обычных для этого автора неточностей. Другие же, понимающие пассаж Диодора буквально, считают, что событие произошло на азиатской стороне Боспора, где столицей объединения Археанактидов, возможно, была Гермонасса (Блаватский 1954: 36; Зеест 1974: 92; Масленников 1981: 40 сл.).

Г.А.Кошеленко такое понимание не устраивает. Проанализировав текст «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, он пришел к заключению, что термин «Азия» древним историком всегда употреблялся для определения Персидской державы (Кошеленко 1999: 136). Из этого делается вывод, что переход вла-

сти от Археанактидов к Спартоку произошел в пределах владений Ахеменидов, при этом в зависимости от персов Боспор попал еще до 480 г. до н.э. (год утверждения Археанактидов), а освободился от нее только в результате Понтийской экспедиции Перикла (1999: 141). В своем исследовании автор ничего не говорит о последствиях персидского владычества для развития политической системы Боспорского государства, особенностей его связей с варварскими племенами и т.п., хотя возможные направления рассуждений здесь вполне ясны.

Конечно, следует отдать должное уважение смелости и оригинальности данного вывода, однако уверенности в его бесспорности, а может быть, даже правомочности нет. Весьма сомнительно, что термин «Азия» у Диодора Сицилийского во всех случаях имел геополитическое, а не географическое значение. Нет сомнения, что, говоря об Азии, историк в подавляющем большинстве случаев действительно имел в виду мировую Персидскую державу, игравшую столь важную роль в истории Древней Греции V-IV вв. до н.э., другие азиатские области были слишком отдаленными, почти терялись за туманным горизонтом его научных интересов, но все-таки они существовали, и в отношении их историк вполне мог подразумевать иной, географический смысл этого термина. Всего скорее, Азия в обыденном сознании древних греков V-IV вв. действительно ассоциировалась с Персидской державой, как в наши дни Америка ассоциируется с США, но условность терминов «Америка», «американец», «американский» вполне очевидна. Слишком строгое следование разговорной лексике в научных построениях может привести к самым чудовищным ошибкам. Очень красивая, оригинальная гипотеза Г.А.Кошеленко, на мой взгляд, зиждется на слишком ненадежном основании и по этой причине вряд ли может быть принята.

Еще один оригинальный взгляд на историко-культурный феномен Боспора принадлежит Д.А.Мачинскому. Этот исследователь понимает Боспорский регион не только как Керченский и Таманский полуострова, но гораздо шире, включая сюда весь Крым, Нижнее Прикубанье,

Нижнее Подонье и Восточное Приазовье. Через этот регион вглубь варварских территорий, как он считает, шли наиболее важные и продуктивные социально-культурные импульсы из зоны эллинского Средиземноморья (Мачинский 1989: 17; 1993: 7). «Собственно Боспор Киммерийский был точкой пересечения и преломления разнообразных природных, сакрально-культурных и социально-экономических импульсов. Столица Боспора (Пантикапей — позднее Тмутаракань) представляется как бы скрепляющим гвоздем, вбитым в точке перекрещения путей, идущих с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток» (Мачинский 1989: 17). Исследователь выделил 14 этапов в истории обозначенного «территориально-энергетического организма», в истории его влияния на исторические судьбы Скифии-России с VIII в. до н.э. по XX в. н.э. (Мачинский 1993).

Не удивительно, что Л.С.Клейн определил это направление в отечественной археологии как мистическое, призванное найти в археологических реалиях опорные моменты для понимания исторических корней и исторической роли России (Клейн 1993: 34-35). Удивительно то, что в результате почти 200-летнего изучения Боспора достаточно четко обозначилась тенденция некоторого возврата, так сказать, к самым началам. Как я пытался показать, первоначально в своих несколько наивных, можно сказать, романтических взглядах на северопрichernоморскую античность путешественники и ученые стремились найти здесь уголок классической Эллады, который часто ассоциировался со светлым храмом. Светлого храма, однако, не нашли, вместо него пришлось открывать гробницы и изучать весьма своеобразный вариант античной культуры. Д.А.Мачинский в своем поиске истины стремится воссоздать здесь уже не отдельный храм, а целый «территориально-энергетический организм» или «сакрально-энергетический центр», с которым ассоциируется Боспор, то есть своего рода грандиозный, так сказать, нерукотворный храм. Остается только подумать, что нас ждет дальше, куда заведет российскую античную археологию этот путь поиска храма.

10. Еще о гранях боспорского феномена

Резюмируя сказанное, хочется отметить, что в нашей науке культура греков-колонистов очень слабо изучена в одном важном аспекте, а именно как важный инструмент адаптации, которую следует понимать как способность системы приводить себя в соответствие с условиями среды для самосохранения данной системы (Маркарян 1977: 164; 1981: 99). Как известно, адаптация людей к новой среде обитания может отразиться в особенностях их материальной культуры, традиционного быта, психологических черт и пр. (Козлов 1983: 5). Очень важной в этой связи представляется «адекват-

ность ожиданий» переселенцев от жизни в новой стране. Как считается, низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению (Лебедева 1991: 109).

Вряд ли можно предполагать, что греки-колонисты, создававшие свои алойки на северных берегах Понта, питали слишком большие иллюзии относительно жизни на новых землях. Выражаясь словами Эсхила из трагедии «Прикованный Прометей», они вполне могли бы сказать: «Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню» (1-2). Ясно, что адаптация к специфическим природ-

но-географическим, экологическим, демографическим условиям региона была очень и очень непростой. Она естественным образом включала в себя изменения во многих важных аспектах культуры, прежде всего — трансформацию экономики, так как система сельского хозяйства метрополии, являвшегося основой экономической жизни любого полиса, не могла в неизменном виде быть перенесена в Северное Причерноморье. Нет сомнения, что отбор сельскохозяйственных культур и пород домашних животных, наиболее адаптированных к местным условиям, являлся важным фактором выживания греков. Правда, вряд ли приходится ожидать, что в этом плане боспорские греки преуспели больше своих отдаленных соседей, оливополитов или херсонеситов.

На мой взгляд, отличие Боспора от других центров греческой колонизации Северного Причерноморья объясняется в первую очередь тем, что местные апойкии сумели найти лучшие формы взаимодействия с соседями-варварами, создали такие социально-политические организмы, которые были близки и понятны, пусть в разной степени, как грекам, так и туземцам.

Важным элементом адаптации было, так сказать, и осознание себя в новых землях, в этой скифской пустыне с ее бескрайними просторами и многоводными реками, берущими начало где-то в неведомых землях, для мироощущения того времени, может быть, даже в потустороннем мире. Населяли эту страну народы с абсолютно чуждой для греков культурой, странной экономической системой кочевого скотоводства и т.д., с ними надо было налаживать хотя бы подобие взаимовыгодного сосуществования. Но эти народы к тому же не были какой-то неизменной данностью, время от времени в северопричерноморские степи с востока вторгались новые кочевнические племена, которые, по крайней мере на первоначальном этапе, могли восприниматься разве что как выходцы с «того света». Северопричерноморские греки по этой причине порой испытывали почти те же чувства, что и население раннесредневековой Европы, для которого вторжения варваров (венгров, норманнов, арабов) казались предвестниками прихода Антихриста (Дюби 1981: 99). Следует особо подчеркнуть, что именно Боспор Киммерийский, будучи самым восточным из центров греческой колонизации региона, лежал первым на пути этих варварских передвижений.

Осознание своей сопричастности к судьбам пограничья, при этом пограничья между миром известным, реальным и миром неизвестным, нереальным, потусторонним, на Боспоре, возможно, ощущалось острее, чем в других греческих центрах региона. Сама природа Боспора Киммерийского, особенности ландшафта его берегов, как будто, располагали к этому. Среди таких характерных особенностей прежде все-

го необходимо назвать грязевые вулканы, расположенные в непосредственной близости от апойкии и в Восточном Крыму, и на Таманском полуострове. Специалисты утверждают, что Керченско-Таманская область является на территории бывшего Советского Союза второй (после Азербайджана) по масштабам проявления грязевого вулканизма (Шнюков и др 1986: 16). Каждый, кто хотя бы раз посещал места их сосредоточения (к примеру, Булганакский грязевулканический очаг), безусловно испытал сильнейшее, странное чувство, — безжизненные поля с конусами вулканов и озерцами серой, холодной грязи, из которой время от времени всплывают пузырьки горючих газов, создают впечатление чего-то очень необычного, нереального, неземного (ср. Шнюков и др 1986: 74 сл.).

Эти любопытные памятники производили огромное впечатление на ученых и путешественников XIX в., которые отмечали, что местные жители называли вулканы и ямы с выходами нефти «пеклами» (Кеппен 1828: 32; Ашик 1848а: 12, прим.1; Фабр 1861: 9, прим.2; De Montpereux 1843. P.52-53). П.С.Паллас писал, что татары смотрели на один из крупных вулканов Восточного Крыма как на место обиталища духов, к которому «нельзя приблизиться без опасности для себя» (Паллас 1883: 52). От них мало отличались казаки, которые считали один из больших вулканов на Тамани «трубою ада» и называли его «Пеклом» (1883: 80). Возможно, этот самый вулкан сохранил свое название до сих пор: это один из самых экзотических природных памятников подобного рода в районе — Пекло Азовское (Шнюков и др 1986: 79).

Абсолютно не прав был К.К.Герц, считавший, что в древности и средние века грязевых вулканов здесь просто не было (Герц 1870: 227). Они, конечно, были (Шнюков, Науменко 1973: 27), более того — максимум их деятельности здесь приходится на геологическое прошлое (Шнюков и др 1986: 16). Логично ожидать, что греки-колонисты, как, впрочем, и туземные жители, считали их столь же сакрализованными объектами, что и татары или казаки.

Одной из причин, которая позволила К.К.Герцу считать, что в районе пролива грязевых вулканов не существовало ни в древности, ни в средние века, стала та, что некоторые вулканы во время извержений разрушили отдельные археологические памятники, как бы прорезали их. Факт разрушений трудно оспаривать, но важно подчеркнуть иное: памятники, пострадавшие при извержениях, весьма специфичны, — это не обычные поселения или могильники, а храмы или святилища. В 1818 г. на берегу Ахтанизовского лимана при таких обстоятельствах была открыта надпись о строительстве здесь храма Артемиды Агротеры (КБН. 1014; Розанова 1949: 92). Еще ранее, в 1804 г., неподалеку было найдено основание памятника богу Санергу и богине Астаре (КБН. 1014).

Эти божества, как считается, были связаны со священным огнем, подземным и небесным, и вообще подземным царством (Розанова 1949: 92-93; Иванова 1961: 17, 66). Памятник в данном месте, всего скорее, был поставлен для умилостивления грозных подземных богов.

Возможно, в том же самом ключе следует объяснять и «киммерийскую топонимию» Боспора, имеются в виду такие местные названия, как Киммерийский перешеек, Киммерийские стены, Киммерик, да и сам Боспор Киммерийский (Тохтасьев 1984); С.Р.Тохтасьев считает, что появление этой топонимии является результатом позднего творчества греков, стремившихся как-то объяснить древние руины, которые они видели в осваиваемом районе (Тохтасьев 1999: 7-9). Соответственно, в областях, прилегающих к Керченскому проливу, догреческие памятники приписывались именно киммерийцам, но, всего скорее, причиной такой концентрации киммерийской топонимии здесь стали не только исторические предания. По всей видимости, на это в немалой степени повлияло описание Гомером мрачной и туманной страны киммерийцев (Od. XI.14), которое соответствует «обычным греческим представлениям относительно области Аида» (Тохтасьев 1999: 12-13). Локализация киммерийцев близ царства Аида чрезвычайно значима, и в этом плане очень показательна, что античная традиция помещала их не только в Северном Причерноморье, но и в Италии на Авернском озере (близ Кум в Кампании). С.Р.Тохтасьев показал, что размещение их здесь выросло на почве интерпретации того же самого свидетельства Гомера (1999: 13). По сообщению Страбона (V. 4.5), на Авернском озере располагалось подземное приращение мертвых, служителями которого были киммерийцы. Совсем не исключено, что и на Боспоре греки пытались осмыслить окружающую ситуацию в подобном ключе и, ощущая свою близость к царству Аида, выразили ее в необычной концентрации киммерийской топонимии.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что Боспор Киммерийский — это не просто своего рода «медвежий угол» античности, его культура — не просто огрубленный, провинциальный вариант культуры метрополии и даже не только наиболее удачный в Северном Причерноморье образец греко-варварского синкретизма. Значение боспорской культуры больше, можно сказать, символической, она выражает очень многое, а лежащая на ней печать «мертвенности» чрезвычайно показательна. В самом общем плане можно полагать, что умы боспорян (конечно, наиболее мыслящей их части) были заняты несколько другими проблемами, чем умы просвещенных граждан Милета или Афин. Как представляется, боспорские мыслители (а такие, безусловно, существовали) не были натурфилософами, а скорее философами религиозными. Их захватывали со-

всем другие миры и совсем другие сюжеты, связанные прежде всего с проблемами, так сказать, «жизни после смерти». Иными словами, на Боспоре осмысливались как раз те аспекты мироздания и места в нем человека, которые в Древней Греции рисовались слишком неясными и туманными (см. Грейвс 1992: 87 сл.; Нильссон 1998: 158 сл.; Richardson 1985).

С потусторонним миром в памятниках боспорского искусства связано чрезвычайно многое. Очень интересны и показательны в этом отношении образы амазонок, аримаспов, пигмеев, гипербореев и пр. И.Ю.Шауб в культуре Аполлона Гиперборейского, который на зиму уезжает в загробный мир гипербореев, а весной возвращается, находит проявления скифского шаманизма (1998: 68-69). Известные пантикапейские терракотовые статуэтки II-I вв. до н.э., изображающие Эрота с атрибутами Геракла, он считает не просто проявлением забавного синкретизма, но указанием на загробные функции этого дитя Афродиты, как, впрочем, и Геракла тоже (Шауб 1981: 42). В таком же направлении И.Ю.Шауб трактует Париса, в образе которого, по его мнению, долго сохранялись черты древнего божества смерти (1993: 69).

Важнейшие материалы для изучения подобных сюжетов дают находки аттической чернофигурной (см. Шауб 1979) и краснофигурной керамики, определенная часть которой, безусловно, расписывалась специально для вывоза на Боспор, с учетом вкусов и потребностей его жителей (Циммерман 1979: 87; Скржинская 1997: 87). На основании анализа этих изображений, а также других памятников боспорского искусства, можно считать, что амазонки представлялись боспорянам как служительницы Великой богини в ее загробном аспекте (Шауб 1993а: 84; 1999: 215; Скржинская 1997: 89). Изображения пигмеев, всего скорее, следует связывать с мифом о сражениях на границе реального и потустороннего миров, той самой границе, которую должна перейти душа умершего (Скржинская 1997: 92 сл.). Еще один миф ассоциировался на Боспоре с пересечением душой границы двух миров, — это миф о похищении Европы, представленный на 2-х пеликах и более чем 30 рыбных блюдах. М.В.Скржинская особо подчеркивает, что ни один античный автор не отмечал подобного значения мифа о Европе, такую окраску он получил только на Боспоре (1997: 97; ср. Шауб. 2000). Показательно, что все известные до сего времени «мифологические» рыбные блюда были найдены в Северном Причерноморье, К.Циммерман предполагает их целенаправленный экспорт из Афин для боспорских заказчиков (1979: 87). Можно предположить, что и простые рыбные блюда, помещенные в погребальный контекст, связывались все с той же идеей перехода в мир мертвых (Шауб. 2000: 123).

Весьма интересными в этом отношении представляются знаменитые лекифы Ксено-

фанта (Передольская 1945; Скржинская 1999), которые, наиболее вероятно, были изготовлены по заказу жителей Пантикапея (Скржинская 1999: 127). Наибольшее внимание ученых, естественно, привлекает и привлекает до сих пор самый большой из них. Смысл изображенной здесь композиции вызывает очень большие споры — фантастическая охота скифов, охота персов и т.д. Изображение пальмы, грифона и пр., конечно, могут свидетельствовать, что картина, изображенная Ксенофантом, относится к отдаленному мифологическому времени (Скржинская 1999: 128). Но ведь в росписи представлены отнюдь не только мифологические персонажи (два Аргонавта и др.), но и личности вполне исторические: персидские цари Кир и Дарий, а также Аброком, сатрап Сирии в конце V — начале IV вв. до н.э. (Tiverios 1997: 270), то есть во время, очень близкое к изготовлению сосуда. Совместная охота героев, которые жили и умерли в различные времена, представленная на фоне фантастического пейзажа, для жителей Боспорского государства, вероятнее всего, могла отождествляться со страной гипербореев, с битвой аримаспов с грифонами и т.д. (Tiverios 1997: 274-275), иными словами, — с потусторонним миром.

Все сказанное заставляет предполагать, что круг очерченных образов на Боспоре Киммерийском был очень широк и яростно, четко выражая две главные идеи, связанные с перипетиями жизни души после смерти тела, — путь на «тот свет» и пребывание там. При этом пребывание в загробном мире здесь в немалой степени связывалось с охотой, именно в этом следует усматривать главный смысл изображений на вазе Ксенофанта и некоторых других произведений искусства. Ю.В.Андреев писал по этому поводу: «Бесконечная охота, в которой каждая выпущенная из лука стрела или брошенное копье непременно попадает в цель, составляет обычное времяпровождение духа умершего в потустороннем мире в верованиях многих народов, живущих хотя бы частично за счет промысловой охоты» (1989: 36). Но, может быть, еще более важным событием загробной жизни была встреча с Великой богиней, которая еще более выразительно представлена в боспорской изобразительной традиции. Этот сюжет очень ярко представлен в произведениях боспорской торевтики (Карагодеуаш, Мерджаны и др.); заимствованный у местных племен и переосмысленный греками, он стал едва ли не ведущим на боспорских надгробиях первых веков н.э., которые в обозначенном плане оценены и изучены еще очень слабо (Боспорские надгробные рельефы 1990: 14 сл.; Kieseritzky, Wartzinger 1909).

Исходя из этих сюжетов, можно даже предположить, что в представлениях жителей Боспорского государства, вероятно, уже с IV в. до н.э., мужчины и женщины в загробном суще-

ствовании имели разное предназначение. Женщина своим жизненным путем должна была достичь того, чтобы, по всей видимости, просто слиться с Великой богиней, стать малой частицей ее бесконечного совершенства и могущества. Мужчина же всей жизнью, жизнью воина-героя, должен был стать достойным Великой богини, заслужить ее расположение, может быть, вступить с ней в «священный брак». Важной составляющей его пребывания на «том свете» было, так сказать, продолжение героической жизни, связанное с охотами и, может быть, с состязаниями с себе подобными. Этот круг представлений, на мой взгляд, очень хорошо проявился лишь на берегах Керченского пролива, в других греческих государствах Северного Причерноморья ничего сколь-либо сопоставимого проследить не удается.

Окружающая ситуация на Боспоре Киммерийском, выражаясь словами И.И.Толстого, вселяла в греков «радостную надежду на существование за гробом», но и будила тревогу возможностью «непосредственного общения с тенями усопших» (1918: 12). По этой причине лучшие местные художники и архитекторы, всего скорей, ломали головы не над созданием чего-либо подобного храму Аполлона в Дидимах или Парфенону, а над возведением памятников, прославляющих дела и земное величие боспорских монархов и их приближенных, а также обеспечивающих им вечную жизнь после смерти. Вряд ли следует сомневаться, что прежде всего здесь должны были строиться дворцы и усыпальницы, при этом любопытно, что если о дворцах мы почти ничего не знаем, то усыпальницы боспорским архитекторам и строителям, бесспорно, удавались совсем неплохо. Конечно, на Боспоре не было воздвигнуто памятников, которые бы символизировали величие гражданского служения государству, сам дух гражданственности на берегах пролива, надо думать, исчез очень быстро, зато был отстроен такой шедевр античной архитектуры, как склеп Царского кургана, и создан выдающийся в своем роде ландшафтно-архитектурный памятник — некрополь боспорской знати Юз-Оба (АДЖ: 101 сл.; Гриневич 1952).

Эта трансформация греческой культуры в районе Боспора Киммерийского, на которую в нашей науке почти не обращается внимания, трансформация, ставшая результатом многих причин и культурно-исторических влияний, является одной из важных составляющих феномена Боспора, о других гранях которого уже частично говорилось выше. Нет сомнения, что обозначенная тема в полной мере должна быть признана неисчерпаемой, каждое новое поколение исследователей будет осмысливать ее по-своему, так или иначе уточняя и, конечно, находя новые, сейчас скрытые или неочевидные аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука.
- Андреев Ю.В. 1989. Миноийский Дедал // ВДИ. 3. С.29-46.
- Андреев Ю.В. 1996. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1. С.3-17.
- Артамонов М.И. 1939. Достижения советской археологии // ВДИ. 2. С.122-129.
- Артамонов М.И. 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1. С.29-39.
- Артамонов М.И. 1968. Куль-обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука. С.9-16.
- Артамонов М.И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л.: Изд. ЛГУ.
- Ашик А. 1848. Воспорское царство. Т. I. Одесса.
- Ашик А. 1848а. Воспорское царство. Т. II. Одесса.
- Ашик А. 1849. Воспорское царство. Т. III. Одесса.
- Ашик А. 1850. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса.
- Беккер П.В. 1853. Керчь и Тамань в июле 1852 г. // ПроPILEI. III. С.349-382.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка.
- Блаватская Т.В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М.: Изд-во АН СССР.
- Блаватский В.Д. 1848. Киммерийский вопрос и Пантикапей // Вестник Московского университета. 8. С.9-18.
- Блаватский В.Д. 1949. Рец. на кн.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. // ВДИ. 4. С.151-159.
- Блаватский В.Д. 1950. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. XXXV. С.30-41.
- Блаватский В.Д. 1952. Исследования города Пантикапея // АИБ. I. С.43-54.
- Блаватский В.Д. 1954. Архаический Боспор // МИА. 33. С.7-44.
- Блаватский В.Д. 1955. О происхождении боспорских склепов с уступчатым перекрытием // СА. XXIV. С.29-53.
- Блаватский В.Д. 1958. Об этническом составе населения Пантикапея в IV-III вв. до н.э. // СА. XXVIII. С.97-106.
- Блаватский В.Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С.7-39.
- Блаватский В.Д. 1960. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ВИ. 10. С.76-88.
- Блаватский В.Д. 1962. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103. С.6-85.
- Блаватский В.Д. 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука.
- Блаватский В.Д. 1964а. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) // СА. 2. С.13-26.
- Блаватский В.Д. 1964б. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // СА. 4. С.25-35.
- Блаватский В.Д. 1985. Античная археология и история. М.: Наука.
- Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. — III в.н.э. 1990. Каталог выставки. Л.
- Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. 1979. Некоторые проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С.29-46.
- Бромлей Ю.В. 1981. Современные проблемы этнографии. М.: Наука. 389 с.
- Бузескул В. 1927. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев: Типография Украинской АН.
- Бурачков П.О. 1888. По поводу брошюры А.В.Орешникова «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов» // Труды VI Археологического съезда. II. С.114-118.
- Варнеке Б.В. 1919. Древнейшие обитатели Новороссии. Бессарабское книгоиздательство.
- Варнеке Б. 1919а. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. XXXIII. С.21-24.
- Васильев А.Н. 1977. К вопросу о фракийском происхождении Спартокидов (анализ гипотезы) // Вопросы политической истории СССР. М.-Л. С.194-215.
- Васильев А.Н. 1985. Проблемы политической истории Боспора V-IV вв. до н.э. в отечественной историографии. Автореф. диссерт. ... канд. историч. наук. Л.
- Васильев А.Н. 1986. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.-Л. С.33-45.
- Вахтина М.Ю. 1984. Греко-варварские контакты VII-V вв. до н.э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма. Автореф. ... диссерт. канд. историч. наук. Л.
- Вахтина М.Ю. 1993. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор. Новочеркасск. С.51-58
- Вигель Ф.Ф. 1864. Записка о Керчи // Чтения Московского общества истории и древностей российских при Московском университете. I. С.11-99.
- Виноградов Ю.А. 1981. К вопросу о мирмекийском зольнике // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Тез. докл. Киев. С.79-80.
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука. С.99-120.
- Виноградов Ю.А. 1993. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. Саратов. Вып.9. С.79-96
- Виноградов Ю.А. 1993а. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (Материалы конф. памяти академика М.И.Ростовцева). Новочеркасск. С.38-51.
- Виноградов Ю.А. 1995. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь. С.65-69.
- Виноградов Ю.А. 1995а. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 3. С.152-160.
- Виноградов Ю.А. 1998. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. СПб. Вып. I. С.62-68.
- Виноградов Ю.А. 1999. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. СПб. — Кишинев — Одесса. 3. С.101-115.
- Виноградов Ю.Г. 1983. Полис в Северном Причер-

- номорье // Античная Греция. Т.1. М.: Наука. С.366-420.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. Л.-М.: Изд. АН СССР.
- Гайдукевич В.Ф. 1952. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // АИБ. I. С.19-42.
- Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. I. С.23-147.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Боспор и скифы (тезисы доклада) // ПИСП. С.276-278.
- Гайдукевич В.Ф. 1981. Боспорские погребальные склепы V-IV вв. до н.э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Л.: Наука. С.6-54.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. XV. С.162-187.
- Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс. Перевод с франц.
- Генинг В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка.
- Герц К.К. 1868. Погребальные обряды греков и скифов Босфора Киммерийского // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилегающих. М. С.144-151.
- Герц К.К. 1870. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. Т.11,3. С.191-318.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. 1980. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье // XV Международный конгресс исторических наук. М.
- Готье Ю.В. 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л.
- Грач Н.Л. 1981. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой Колонизации. Тбилиси. С.260-267.
- Грач Н.Л. 1984. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. 24. С.100-109.
- Грач Н.Л. 1986. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба // Античная торетика. Л. С.75-90.
- Грач Н.Л. 1994. Пластинчатые браслеты из кургана Куль-Оба // ВДИ. 1. С.135-142.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс. Перевод с англ.
- Грибоедов А.С. 1971. Сочинения в двух томах. М.: Правда. Т.2.
- Григорьев В.В. 1851. Цари Боспора Киммерийского, преимущественно по современным им надписям и монетам // Журнал Министерства внутренних дел. С.110-146, 267-296.
- Гриневич К.Э. 1952. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н.э.) // АИБ. I. С.129-147.
- Гусаров Ф.Т. 1952. Керченскому музею — 125 лет // АИБ. I. С.5-17.
- Де-Боз. 1850. О царях Босфора Киммерийского // Археолого-нумизматический сборник. М. С.7-30.
- Денисова В.И. 1981. Коропластика Боспора. Л.: Наука.
- Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 4. С.69-80.
- Десятчиков Ю.М. 1974. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. диссерт. ...канд. истор. наук. М.
- Дирин А.А. 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. XIX. С.121-131.
- Доманский Я.В. 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ. 7. С.116-141.
- Доманский Я.В. 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ. 12. С.47-53.
- Дюбрюкс П. 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского // ЗООИД. 4. С.3-83.
- Жебелев С.А. 1923. Введение в археологию. Ч.1. Петроград: Наука и школа.
- Жебелев С.А. 1933. Счастливые города // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я.Марра. М.-Л. С.355-362.
- Жебелев С.А. 1933а. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ИГАИМК. Вып.70. 36 с.
- Жебелев С.А. 1938. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ. 3. С.49-71.
- Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье. М.-Л.: Изд. АН СССР.
- Жебелев С.А. 1955. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // АГСП. I. С.5-22.
- Жебелев С.А. 1993. Предисловие к авто nekрологу / ВДИ. 2. С.173-177.
- Жиль Ф. 1861. Керчь и Таманский полуостров // Известия Императорского русского археологического общества. II. С.53-56.
- Забелин И. 1908. История русской жизни с древнейших времен. Ч.1. М.
- Зеет И.Б. 1974. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 4. С.82-97.
- Зелинский Ф. 1905. Из жизни идей. Т.2. СПб.
- Златкин И.Я. 1971. А.Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ. 2. С.88-102.
- Иессен А.А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.
- Иванова А.П. 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд. АН Украинской ССР.
- Исмагилов Р.Б. 1993. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему судьбы «классической» Скифии) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 6. С.62-65.
- История древнего мира. 1936. Т.11. Древняя Греция. М.: Соцэкгиз.
- Калашник Ю.П. 1995. Золото Боспора // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н.э. СПб.: АО «Славия». С.259-262.
- Каллистов Д.П. 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд. ЛГУ.
- Каллистов Д.П. 1952. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз.
- Капошина С.И. 1933. Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я.Марра. М.-Л. С.374-415.
- Капошина С.И. 1946. Пленум Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, посвященный Северному Причерноморью // ВДИ. 3. С.220-233.
- Кастанаян Е.Г. 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н.э. и местные их осо-

- бенности // МИА. 69. С.257-295.
- Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука.
- Кауфман С.А. 1947. Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения института истории и теории архитектуры. Вып.6. С.1-32.
- Келер Г.К.Э. 1850. Рассуждения о памятнике царице Комосарии // Археолого-нумизматический сборник. М. С.99-136.
- Кене Б. 1857. Описание музея князя В.В.Кочубея. Т.1. СПб.
- Кене Б. 1857а. Описание музея князя В.В.Кочубея. Т.11. СПб.
- Кеппен П. 1828. Древности северного берега Понта. М.
- Кирилин Д.С. 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука. С.178-188.
- Киселев С.В., Надэль Б.И. 1948. Рец. на кн.: Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья // ВДИ. 3. С.117-125.
- Кларк М.Е.-Д. 1999. Путешествие по России, Татарии и Турции. Гл.ХVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // АИБ. III. С.11-38.
- Клейн Л. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн.
- Книпович Т.Н. 1934. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р.Танаис // ИГАИМК. Вып.104. С.90-110.
- Кобылина М.М. 1951. Скульптура Боспора // МИА. 19. С.171-188.
- Кобылина М.М. 1989. Фанагория. М.: Наука.
- Козлов В.И. 1983. Основные проблемы этнической экологии // СА. 1. С.3-16.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. 1994. Курганные древности Крыма. Запорожье.
- Коровина А.К. 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 2. С.174-187.
- Коровина А.К. 1964. Некрополи Синдики VI-II вв. до н.э. Автореф. диссерт. ... канд. историч. наук. М.
- Коровина А.К. 1981. Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой Колонизации. Тбилиси. С.267-273.
- Коровина А.К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) // Сообщения ГМИИ. Вып.8. С.3-70.
- Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. 1994. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. Вып.3. СПб. С.102-109.
- Кошеленко Г.А. 1999. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М.: Восточная литература. С.130-141.
- Крис Х.И. 1971. О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ. 4. С.156-170.
- Кругликова И.Т. 1951. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 19. С.87-106.
- Кругликова И.Т. 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 33. С.78-113.
- Кругликова И.Т. 1957. Исследования сельских территорий европейского Боспора // СА. 1. С.217-231.
- Кругликова И.Т. 1959. Сельская территория Боспора // ПИСП. С.108-125.
- Кругликова И.Т. 1963. Исследования сельских поселений Боспора // ВДИ. 2. С.65-79.
- Кругликова И.Т. 1973. Каменные ящики у дер.Рыбное // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С.162-166.
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука.
- Куршанак И. 1931. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции // Историк-марксист. Т.21. С.115-118.
- Лалин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
- Лаппо-Данилевский А. 1894. Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV-III вв. до н.э. // Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курганы Карагодеуаш. МАР. 13. С.1-118.
- Латышев В.В. 1909. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб. С.60-128.
- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб.: Изд. С-Петербургского университета.
- Лебедева Н.М. 1991. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука. С.100-124.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ. 4. С.3-17.
- Леонтьев П. 1851. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прописи. I. Отд.11. С.67-101.
- Лесков А.М. 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. 1. С.259-266.
- Лесков А.М. 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1. С.158-165.
- Линевич А.С. 1854. О керченских гробницах // Прописи. IV. С.537-550.
- Маркарян Э.С. 1977. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван: Изд. АН Армянской ССР.
- Маркарян Э.С. 1981. К экологической характеристике развития этнической культуры // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия М.: Наука. С.96-109.
- Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. М.: Изд. МГУ.
- Март Н.Я. 1926. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры // СГАИМК. 1. С.37-70.
- Март Н.Я. 1933. Избранные работы. Т.1. Л.: Изд. ГАИМК.
- Март Н.Я. 1934. Избранные работы. Т.111. М.-Л.: Гос. социально-экономическое издательство.
- Март Н.Я. 1935. Избранные работы. Т.V. М.-Л.: Гос. социально-экономическое издательство.
- Марти Ю.Ю. 1926. Сто лет Керченского музея. Керчь.
- Марченко К.К. 1999. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Stratum plus. 3. СПб — Кишинев — Одесса. С.333-353.
- Масленников А.А. 1981. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М.: Наука.
- Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука.
- Масленников А.А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 8. М.
- Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ой-

- кумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Изд. «Индрик»
- Мачинский Д.А. 1989. Скифия и Боспор // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск. С.5-10.
- Мачинский Д.А. 1993. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск. С.6-27.
- Мацулевич Л.А. 1926. Конференция археологов СССР в Керчи // СГАИМК. 1. С.271-286.
- Мещанинов И. 1928. О доисторическом переселении народов // Вестник Коммунистической академии. XXIX (5). С.190-238.
- Молев Е.А. 1997. Политическая история Боспора VI-IV вв. до н.э. Новгород: Изд. Новгородского университета.
- Монгайт А. 1950. Обсуждение трудов И.В.Сталина по вопросам марксизма в языкознании в Институте истории материальной культуры АН СССР // ВДИ. 3. С.202-207.
- Муравьев-Апостол И.М. 1823. Путешествие в Тавриду в 1820 г. СПб.
- Муральт Э.Г. 1850. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского // Записки С-Петербургского археологическо-нумизматического общества. II. С.306-329.
- Нильссон М. 1998. Греческая народная религия. СПб: «Алетейа». Перевод с англ.
- Онайко Н.А. 1959. Обсуждение докладов на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья // ПИСП. С.279-301.
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д-27.
- Онайко Н.А. 1966а. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукоятей ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. М.: Наука. С.159-176.
- Онайко Н.А. 1974. Заметки о технике боспорской торевтики // СА. 3. С.78-86.
- Онайко Н.А. 1979. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике (мастера медалиона куль-обских подвесок) // Проблемы античной истории и культуры. II. Ереван. С.389-396.
- Орешников А.В. 1888. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам // Труды VI Археологического съезда. II. С.80-103.
- Паллас П.С. 1883. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т.ХIII. С.35-92
- Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука.
- Подшивалов А.М. 1888. Некоторые данные для исторического исследования о правителях Босфора Киммерийского по лапидарным и нумизматическим памятникам // Труды VI Археологического съезда. II. С.72-79.
- Пругло В.И. 1963. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о новых археологических исследованиях Одесского гос. музея 1961 г. Одесса. С.72-78.
- Равдоникас В.И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т.VII. Вып.3-4.
- Равдоникас В.И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. XII. С.5-106.
- Раевский Д.С. 1970. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 3. С.90-101.
- Розанова Н.П. 1949. Посвятительная надпись Сатергу и Астаре // ВДИ. 2. С.86-93
- Ростовцев М.И. 1912. Боспорское царство и южнорусские курганы // Вестник Европы. 1912 июнь. С.101-120.
- Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып.49. С.1-62.
- Ростовцев М.И. 1914. Научное значение истории Боспорского царства // Сборник к 40-летию профессорской деятельности Н.И.Кареева. СПб. С.195-210.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на Юге России. Пг.: Огни.
- Ростовцев М.И. 1918а. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65. С.177-197.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. (Л.).
- Ростовцев М.И. 1989. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 2. С.183-197.
- Ростовцев М.И. 1993. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // КУ ИКА. ПАВ. 5. С.25-38.
- Сабатье П.П. 1851. Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб.
- Савостина Е.А. 1984. Боспорские склепы (типология, историческая интерпретация). Автореф. диссерт. ... канд. историч. наук. М.
- Савостина Е.А. 1986. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 2. С.84-99.
- Сансе. 1889. Письмо графа де Сансе к А.Н.Оленину // ЗООИД. XV. С.78-86.
- Свиньин П. 1828. Керчь, древняя Пантикапея // Отечественные записки. 34. С.3-31.
- Сестренцевич-Богуш С. 1806. История о Таврии. Т.1. СПб.
- Сибирский А. 1867. Взгляд на автономию и историю Пантикапеи // ЗООИД. VI. С.119-174.
- Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА. 69. С.5-107
- Силантьева Л.Ф. 1967. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа. Л. С.46-48.
- Скржинская М.В. 1997. Боспорские варианты некоторых общегреческих мифов // МОУ EION. Профессору А.И.Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб. С.87-99.
- Скржинская М.В. 1999. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 3. С.121-130.
- Скуднова В.М. 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА. XXI. С.306-318.
- Сокольский Н.И. 1967. Синдская скульптура // Античное общество. М.: Наука. С.193-204.
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. 1959. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ПИСП. С.40-62.
- Сопова Н.К. 1975. Местные племена Боспорского государства (по письменным источникам и данным археологии) // Социально-экономические проблемы всеобщей истории. Хабаровск. С.3-21.
- Сорокина Н.П. 1957. Тузлинский некрополь // Труды ГИМ «Памятники культуры». Вып.26. М.
- Спасский Г. 1846. Босфор Киммерийский с его древ-

- ностями и достопамятностями. М.
- Стемпковский И. 1827. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 29. С.40-72.
- Сумароков П. 1803. Досуги крымского судьи или второе путешествие по Тавриде. Ч.I. СПб.
- Сумароков П. 1805. Досуги крымского судьи или второе путешествие по Тавриде. Ч.II. СПб.
- Тизенгаузен В.Г. 1888. Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи // Труды VI Археологического съезда. II. С.135-139.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 3. С.24-59.
- Толстой И. 1918. Остров Белый и Таврика. Петроград.
- Толстой И., Кондаков Н. 1889. Русские древности в памятниках искусств. Вып.I. Классические древности Южной России. СПб.
- Тохтасьев С.Р. 1984. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М. С.142-148.
- Тохтасьев С.Р. 1999. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. СПб.
- Фабр А. 1861. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса.
- Федоров Г. 1949. Обсуждение положения в археологической науке на расширенном заседании Ученого совета ИИМК АН СССР // ВДИ. 2. С.258-262.
- Федосеев Н.Ф. 1999. Феномен Боспорского царства // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб. С.80-86.
- Формозов А.А. 1979. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука.
- Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.: Наука.
- Формозов А.А. 1995. Русские археологи до и после революции. М.
- Худяк М.М. 1962. Из истории Нимфея в VI — III вв. до н.э. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа.
- Худяков М.Г. 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.
- Цецхладзе Г.Р. 1999. О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М.: Восточная литература. С.193-200.
- Циммерман К. 1979. Фрагменты аттических рыбных блюд из Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Изд. «Аврора». С.59-92.
- Чебоксаров Н.Н. 1985. Народы, расы, культуры. М.: Наука.
- Шауб И.Ю. 1979. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов (из раскопок ольвийских теменоса и агоры) // КСИА. 159. С.60-65.
- Шауб И.Ю. 1981. Пантикапейский Эрот-Геракл // КСИА. 168. С.41-42.
- Шауб И.Ю. 1987. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. Вып.191. С.27-33.
- Шауб И.Ю. 1993. Парис на Боспоре // КСИА. 207. С.67-69.
- Шауб И.Ю. 1993а. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск. С.79-88.
- Шауб И.Ю. 1998. Варварские элементы в культуре Аполлона на Боспоре IV в. до н.э. // Клио. 1(4). С.67-74.
- Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 3. СПб. — Кишинев — Одесса. С.207-227.
- Шауб И.Ю. 2000. О семантике образа Европы // ΣΥΣΤΙΠΑ. Памяти Ю.В.Андреева. СПб.: Алетейа. С.122-125.
- Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. XXXIV. С.62-69.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.: Наука. С.5-187.
- Шнюков Е.Ф., Науменко П.И. 1973. Полуостров сокровищ. Симферополь: Таврия.
- Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Кутний В.А. 1986. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Киев: Наукова думка.
- Штерн Э.Р. 1900. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. XXII. С.1-21.
- Штерн Э.Р. 1901. К вопросу о воздействии античной культуры на области, расположенные вне района древних поселений на северном побережье Черного моря // ЗООИД. XXIII. С.11-17.
- Штерн Э.Р. 1906. Феодосия и ее керамика. Одесса.
- Яйленко В.П. 1990. Ольвия и боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука. С.249-309.
- Яйленко В.П. 1995. Женщины, Афродита и жрицы Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщины в античном мире. М.: Наука. С.204-272.
- Яковенко Э.В. 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка. С.113-135.
- Яковенко Э.В. 1970а. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. Вып.124. С.54-60.
- Яковенко Э.В. 1972. Курган на Темир-Горе // СА. 3. С.259-267.
- Яковенко Э.В. 1974. Скіфи Східного Криму в V-III ст. до н.е. Київ: Наукова думка.
- Яковенко Э.В. 1976. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка. С.140-145.
- Яковенко Э.В. 1976а. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука. С.128-137.
- Яковенко Э.В. 1978. Липна кераміка VI-V ст. до н.е. з Нимфея // Археологія. 27. С.36-43.
- Яковенко Э.В. 1980. Нові досягнення боспорознавства і проблема скіфів Східного Криму // Археологія. 33. С.46-52.
- Яковенко Э.В. 1981. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора европейского // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой Колонизации. Тбилиси. С.248-259.
- Яковенко Э.В. 1982. Раннескифские погребения Восточного Крыма // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка. С.65-75.
- Яковенко Э.В. 1985. Скифы на Боспоре (Греко-

- скифские отношения в VII-III вв. до н.э.). Автореф. диссерт. ... докт. историч. наук. М.
- Blaramberg J. 1822. Notice sur quelques objets d'antiquite, decouverts en Tauride dans un tumulus pre du site de l'ancienne Panticapee. Paris.
- Boardman J. 1964. The Greek Overseas. Penguin Books.
- Burchner L. 1885. Die Besiedelung der Küsten des Pontos Euxeinos durch die Milesier. Kempten.
- De Montperoux F.D. 1843. Voyage autour du Caucase. T.V.
- Gajdukevič V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin.
- Khazanov A.M. 1984. Nomads and the outside world. Cambridge University Press.
- Kieseritzky G., Watzinger C. 1909. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin.
- Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Neumann K. 1855. Die Hellenen in Skythenlande. Berlin.
- Noonen T.S. 1973. The origins of the Greek colony at Panticapeum // AJA. 77. PP.77-81.
- Richardson N.J. 1985. Early Greek views about life after death // Greek Religion and Society. Cambridge Univ. Press. PP.50-66.
- Rostowzew M. 1913. Iranism and Ionism in South Russia. СПб.
- Rostovtzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
- Rostowzew M. 1931. Scythien und der Bosporus. Berlin.
- Tiverios M. 1997. Die von Xenophantos Athenaios signierte grosse Lekythos aus Pantikapaion: Alte Funde neu betrachtet // Athenian Potters and Painters. The Conference Proceedings. Oxford. PP. 269-284.
- Tsetskhladze G.R. 1997. A Survey of the major urban Settlements in the Kimmerian Bosporos (With a Discussion of their Status as Poleis) // Yet More Studies in the Ancient Greek Poleis. Stuttgart. PP.39-81.
- Tsetskhladze G.R. 1998. More on Bosporan Chamber Tombs // Таманская старина. Вып.1. СПб. С.48-61.
- Vinogradov Ju.G. 1980. Die historische Entwicklung der Poleis der nordlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 10. S.63-100